

О годах войны глазами детей

А.Л. Мазаева

ЭТО ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

Воспоминания

МОСКВА
МАКС Пресс
2015

О годах войны глазами детей

А.Л. Мазаева

ЭТО ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

Воспоминания

Дорогая Галина
с самым добрым
пожеланием
и приветствием
за крепкое соседство
Виктор! В.Мазе
16.10.2015г.

МОСКВА – 2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
М13

Мазаева А.Л.

М13 Это забыть нельзя: О годах войны глазами детей: Воспоминания. – М.: МАКС Пресс, 2015. – 120 с.: ил.
ISBN 978-5-317-05081-8

Книга содержит документальные воспоминания Мазаевой Анжелики Львовны, чье детство пришлось на годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дневниковые записи, детские очерки тех лет легли в основу этого повествования.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Подготовка оригинал-макета:

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е.М. Бугачева*

Компьютерная верстка: *Н.С. Давыдова*

Корректор: *Н.А. Балашова*

Дизайн обложки: *Е.П. Крынина*

Подписано в печать 28.09.2015 г.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 7, 5. Тираж 50 экз. Изд. № 229.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495) 939-3890/91. Тел./Факс 8(495) 939-3891.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 1473

ISBN 978-5-317-05081-8

© Мазаева А.Л., 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Анжелика Мазаева,
2015 г.*

Как-то уже так сложилось, что о Второй мировой войне, унёсшей миллионы драгоценных жизней, посеявшей повсюду разруху и голод, во многом изменившей и саму последующую жизнь всего мира, а не только нашей страны, мы основательно вспоминаем в День Победы. Неизмеримо горе людей, потерявших своих близких на войне. Неизмеримы и во многом невосполнимы потери исторических ценностей страны, дававшие представление и память о прошлом нашей Родины.

Восстановление народного хозяйства и его дальнейшее развитие потребовали колоссальных усилий от каждого человека, прежде чем в один прекрасный день в Космос поднялся Юрий Гагарин.

Предотвратить повторение войн зависит от многих усилий человечества, в том числе и от воспоминаний очевидцев о войне. Желая же развязать новые войны занимаются фальсификацией памяти о войне. Она порой попадает и в школьные учебники. Её опровергнуть могут оставшиеся в живых очевидцы войны, которых с каждым годом становится всё меньше и меньше. Поэтому всё ценнее становятся их воспоминания.

Моё детство с десяти лет прошло в военные годы. Память многое сохранила. Но ещё ценнее оказались мои небольшие дневниковые записи и корявые детские очерки тех лет. Конечно, их пришлось во многом переделывать. Но они помогли подкрепить и проверить мою память. В этот сборник войдут несколько моих рассказов: о первых месяцах войны, о сложной дороге в эвакуацию, о нескольких годах жизни в эвакуации во время войны и о долгой дороге возвращения домой.

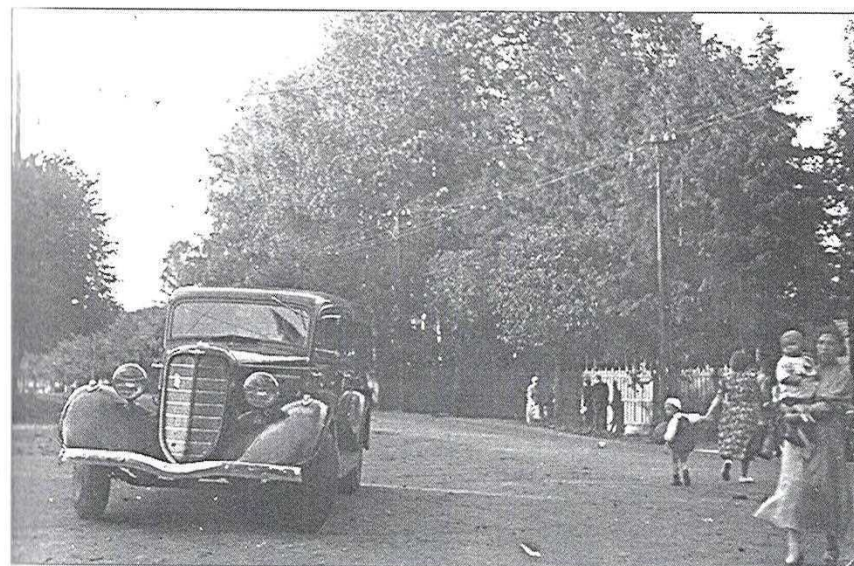
СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Москва в первые месяцы войны	5
Наш путь в эвакуацию	24
Жизнь в эвакуации	46
По следам войны	91
Долгий путь возвращения домой	106

МОСКВА В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

В 1941 году лето в Москве было необычно тёплым. В выходные дни оживал измайловский лесопарк, который был от нас через дорогу.

С остановки трамвая к нему всё утро тянулись вереницы людей, желавших отдохнуть в тиши соснового бора, подышать устоявшимся смолистым воздухом и искупаться в ближнем Оленьем пруду. А наиболее крепкие на ногу устремлялись дальше до озера Красное. Но больше всех тёплому лету радовались мы, ребята. Целыми днями хороводились мы во дворах, играя в разные игры. Наиболее любимыми у нас были прятки и игра в казаков и разбойников.

*Начало главного проспекта Измайлова,
от трамвайной остановки, 1940 г.*

Когда становилось жарко, мы всей ватагой отправлялись купаться. Чаще ходили в Олений пруд, а иногда и на красный мостик, ближе к нам место на озере Красное. За такие длинные отлучки мне влетало от мамы, пригвоздившей меня к нашему маленькому скучному двору без детей.

Купание в Оленьем пруду, 1940 г.

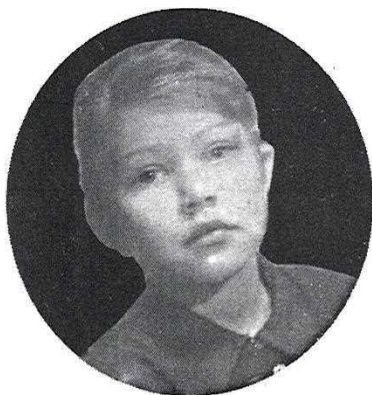
Слева: Женя, Анжела и ватага друзей соседнего двора

Но по первому же зову ребячьей команды с соседнего, большого двора, я вылетала за калитку, догоняя ребят, отправлявшихся купаться, забыв все наказания мамы.

Навсегда запомнился мне первый день войны. В солнечное утро выходного дня, ещё ничего не зная, мы с мамой по утреннему холодку отправились на Преображенский рынок за грибами. Как раз была пора, когда колосились хлеба и после тёплых дождиков обильно пошли грибы колосовики.

Уставшими, но довольными, нагруженными грибами и разной нужной маме рыночной провизией, мы возвращались домой.

Четырёхлетний братишка Женя, как только мы сошли с душного переполненного трамвая, важно потянул за собой на верёвочке купленный на рынке голубой грузовик с красным кузовом. А я несла корзину с грибами. И только после жаркого полуденного солнца на главном проспекте мы ступили на нашу прохладную аллею под тень развесистых лип, как встретили соседку с заплаканным лицом.

Анжела, 1941 г.

– У вас что-то случилось? – с участием и тревогой спросила её мама.

– Да не только у меня, у нас у всех случилось! Вы что, разве ничего не знаете?! Молотов только что выступал по радио! Война! Немцы Киев сегодня бомбили в 4 утра!

Мама вскрикнула, они обнялись и теперь уже обе плакали. Я же в свои десять лет наоборот обрадовалась этой известии. И недоумевала: «И чего эти взрослые плачут. Ведь здорово, что война. Можно не только играть в казаков и разбойников, а идти на всамделишную войну с настоящей винтовкой за плечами. Но совсем скоро мне пришлось переменить своё мнение о военной поре, сложившееся лишь по песням о гражданской войне. И расхотелось участвовать в военных действиях с винтовкой за плечами, когда начались массовые налёты немецких самолётов на Москву. Войскам ПВО поначалу удавалось не допускать их до Москвы.

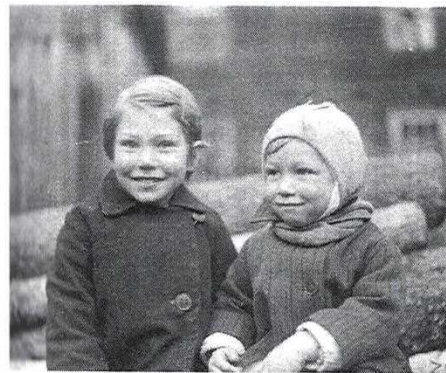
Прорывались в город иногда лишь только единичные самолёты.

И тогда, сразу после позывных, голосом Левитана радио общало: «Граждане! Воздушная тревога!» Уже от одного только

этого голоса с примесью металла по коже бежали мурашки. А уж от устрашающего воя прорвавшихся и приближающихся к городу немецких бомбардировщиков и вовсе мороз драл по коже. Хотелось вобрать голову в плечи и немедленно куда-то скрыться и даже поглубже провалиться.

Мама, Екатерина Ермолаева, Москва, 1940 г.

Анжела и Женя во дворе, весна 1940 г.

Война сразу же преобразила Москву. Она видна была в затемнённых московских окнах и улицах, в опустевших магазинах. Вечерами иногда в наше окно стучал дежурный по улице и просил плотнее закрыть тёмной занавесью окно, чтобы не было щелей, в которые пробивался свет. Вечером без острой надобности старались из дома не выходить, так как без света уличных фонарей, особенно в безлунные и беззвёздные вечера, можно было по улице ходить только ощупью.

Светомаскировка была необходима, чтобы не обнаруживать город для фашистских бомбардировщиков в вечернее и ночное время. Маскировались и учреждения и ценные здания в городе. Я это видела, когда бывала с мамой в центре для покупок. По городу ходили слухи, что скоро введут карточки на товары первой необходимости, и все начали всё покупать. Мама говорила, что в Первую мировую войну вначале исчезли из продажи мыло, соль и спички. И она кинулась их покупать.

Но в нашем ближайшем магазине этих товаров уже не было, а в других, ближе к центру, они были. И мама брала меня с собой, так как в одни руки продавали очень помалу. Меня не только удивили перемены, произошедшие в Москве в первый же месяц войны, но очень даже расстроили. Особенно дорог мне был уголок центра с универмагом «Детский мир», спуском от него к площади Свердлова со зданиями, которые мне очень нравились.

Это гостиница «Метрополь», Малый театр и центральный детский театр, в котором я была несколько раз. А самое большое впечатление на меня производил Большой театр своим величием и красотой. Очень любила я посидеть в скверике около театра вблизи фонтана и глядеть на скульптуры коней. И как же этот уголок теперь уродливо выглядел за такой ещё короткий военный период. Мало того, что здания этого моего уголка были укрыты специальными сетями, так ещё все стёкла были оклеены крест-накрест узкими полосками бумаги. А к полуподвальным окнам были привалены мешки с песком.

Когда же мы проходили недалеко от Большого театра, то я удивилась, что театра-то и нет, а вместо него на меня смотрел

уютный маленький домик, нарисованный на огромном полотне, закрывающем театр. Но это не совсем спасло театр. Его северная часть несколько позже была разрушена от взрыва фугасной бомбы. На некоторых улицах перед входом в подвалы появились вывески – «Бомбоубежище».

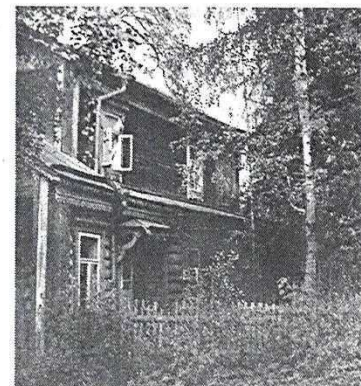
Теперь я начинала понимать, что такое война. Хорошо мне дала понять, что такое война, и первая же воздушная тревога в Москве. Рано утром, ещё до восхода солнца меня разбудила суматоха в доме. Скрипели двери, соседи метались в панике. Я уловила из их беспорядочных криков слова: «Тревога», «немцы», «самолёты». Вскочив с постели, я, было, бросилась босиком к двери, чтобы выйти во двор, где уже раздавались детские голоса.

Однако меня тут же окликнула мама:

– Куда ты направилась раздетая? На рассвете холодно ещё на дворе. Оденься теплее. А сама, суетясь, дрожащими руками хватала то одни, то другие вещи и завязывала их в узлы. Спросонья я никак не могла понять, зачем вещи увязывались. Мы что куда-нибудь собираемся уезжать?

– Ну что ты стоишь столбом? Скорей одевайся, да собирай свои вещи, объявлена воздушная тревога. Может придётся из дома уходить, – скомандовала мама. Тут только до меня дошло, что мы можем оказаться в опасности. В это время соседи, стоявшие на крыльце, закричали:

– Самолёты! К нам приближаются фашистские самолёты! Правда, был слышен гул самолётов. Услышав такой ещё отдалённый гул, я пулей выскочила на крыльцо. Почему-то одной ноге сразу стало холодно. Оказалось, что в спешке я забыла надеть на неё чулок. Но вскоре стало не до чулка, так как с Запада стал доноситься такой уг-

Дом по главному проспекту Измайлова № 10, наше окно за крыльцом, 1940 г.

рожающий вой, от которого мороз побежал по спине. Это быстро приближались немецкие самолёты, хотя за густыми облаками их ещё не было видно. А на Востоке за деревьями так ярко пылало небо, что я, никогда не видевшая утренней зари, закричала:

– Пожар! На Востоке пожар! Это фашисты подожгли!

Хотя все были в страшном напряжении, но мой детский вопль немного разрядил обстановку. Некоторые даже засмеялись. А старик со второго этажа сказал:

– Слава Богу, что немцы только на Западе. А ты их торопишься на восток пустить. Но в одном тебе на пользу, что пришлось рано встать, впервые увидишь восход солнца. Оно вот-вот уже взойдёт. Не испугалось наше солнышко немецких самолётов и нам не надо их бояться. Ведь это они специально на самолётах такие устрашающие сирены ставят, чтобы ужаснуть людей и привести к панике. А мы не будем поддаваться панике.

Тут мальчишки с соседнего двора закричали:

– Видим! Уже видим! Высоко летят! Сейчас они почти как точки, ныряют и выходят из облаков! Но я, как ни крутила головой, никак ничего не могла увидеть с крыльца, кроме самих облаков. Дом загоразивал весь Запад. Но и во двор я боялась спуститься. Внезапно к вою немецких самолётов прибавился страшный грохот. И кто-то сказал:

– Это наши зенитки лупят по немчуре. Они ведь у нас тут через дорогу под

Анжела меряет сугробы во дворе. Вдали калитка и ворота. За ними и деревьями аллеи, видна полоса леса. 1941 г. Летом там будут стоять зенитные батареи

покровом леса стоят. Поэтому и так их слышно. С нашими зенитками шутки плохи. Поймают сейчас этих стервятников. Некуда им от наших зенитчиков деться. От этого успокаивающего голоса мне сразу стало легче. И даже грохот зениток и рёв немецких самолётов не так сильно стал оглушать. В край двора, угрожающе шурша по листьям деревьев, стали залетать осколки от разрыва снарядов зениток. И жильцы дома поспешили уйти с крыльца и двора в сени. Я же не могла понять опасности этих осколков, пока не услышала раздирающие душу вопли с улицы зазевавшихся прохожих.

– Бедные. Они стали жертвами осколков, – сказал старик сосед и, помолчав, добавил:

– Зенитки наши начеку. И скоро собьют гадов. Не дадут бомбить нас! Но на всякий случай надо несколько вёдер воды поднять на крышу, если будут «зажигалки» бросать, и покараулить там. Он подозвал внука и они ушли за вёдрами и водой. Потом, несколько дней спустя, уже обязательным было на каждой крыше иметь щипцы и бочки с водой для хватания и тушения зажигательных бомб, ящики с песком и лопатой.

Анжела и Жёня с мамой недалеко от озера Красное, 1939 г.

А я была так оглушена всем этим, что никак не могла придти в себя, меня бил озноб, стучали зубы от холода и страха, пригвоздившего меня к крыльцу. Тут мама в форточку из нашей комнаты крикнула:

– Немедленно уйди с крыльца. Может задеть осколком.

И я ушла в сени, где на своих узлах, на нижних ступенях лестницы, ведущей на второй этаж, сидели жильцы нашего дома, готовые, если потребуется, схватить свои узлы и бежать в ближайший за нами лес. Между тем ребята соседнего двора, следившие за фашистскими самолётами, закричали:

– Уже ниже летят и наши зенитчики их сбивают! А потом они сообщили, что уже только один остался, и прожекторы его пытаются поймать лучами. И вдруг они радостно заорали:

– Ура! Поймали немчуру! Сейчас будет сбит и последний!

Тут я не выдержала и, пренебрегая опасностью, выбежала во двор, и увидела высоко в небе маленький, как игрушечный, самолётик, какие на ёлку вешают. Он метался в светлом кругу луча прожектора. Несколько раз он вылетал за пределы светлого круга, но луч тоже передвигался и опять самолёт находился в центре луча. Прожектор старался его зафиксировать, облегчая зенитчикам видеть цель. Зенитки грохотали так, что чуть не лопались барабанные перепонки в ушах.

Вскоре от удачного попадания снаряда самолёт, загоревшись, пропал из светлого круга, и почти тут же я увидела его ниже. На фоне неба очень чётко было видно, как он падал носом к земле, и от его хвоста вверх поднимался огненно-дымный шлейф. Мы, ребята, я и на соседнем дворе, крича и прыгая от радости, следили за его падением, пока он не скрылся за купами деревьев нашего парка на горизонте. А вскоре по радио объявили отбой тревоге.

После этой первой тревоги немецкие бомбардировщики стали периодически прорываться к городу. Объявляли воздушные тревоги чаще утром или вечером, реже днём. Помню, как одна из воздушных тревог застала нас с мамой днём в Бауманском городке (бывшей царской дворцовой усадьбе). Мы вышли из одного магазина и хотели зайти в другой, но тут вдруг заревели гудки заводов и завывали сирены.

Так тогда объявлялась воздушная тревога, кроме сообщений по радио. Тут же откуда-то появились дежурные с красной повязкой на рукаве и стали предлагать зайти в бомбоубежище. Не-

которые сопротивлялись. Но дежурные были неумолимы: «Вот кончится тревога, тогда можете идти куда хотите, а сейчас немедленно спускайтесь в бомбоубежище».

Мне так понравилось это бомбоубежище, что я просила маму, как только мы в следующий раз пошли в ту сторону в магазин, отпустить меня в это бомбоубежище. Естественно, мама тут же сказала, что бомбоубежище сейчас закрыто. Оно действует только во время воздушных тревог.

Спускались мы туда по крутой и длинной лестнице, и за плотной чёрной занавесью после двери попали в довольно просторное, хорошо освещённое подвальное помещение. Вдоль боковых стен в два ряда размещались удобные диванчики и кресла. В середине стояло несколько столов с журналами и подшивками газет. А у стены, что напротив двери, стояло несколько шкафов с книгами и детскими игрушками.

Около этих шкафов на полу блестела новенькой лакировкой педальная легковая машина и трёхколёсный велосипед. Пока я раздумывала чем лучше овладеть, к транспортам сразу подбежали мальчишки. И катались вокруг столов с газетами и журналами. Я помню, подошла тогда к куклам. Тут их было много разных: голенькие пупсы, куклы с закрывающимися глазами и в национальных одеждах. А среди книг в шкафу я углядела Тома Сойера.

Слышала я уже об этой книге, взяла её из шкафа и, усевшись на диванчик рядом с мамой, стала читать. Но, к сожалению, воздушная тревога быстро кончилась, не успела я и десяти страниц прочитать. Пришлось водворить книгу на место. Мама утешила, что продолжишь чтение в следующий раз, как случится тревога, когда мы будем в здешнем магазине.

По мере того как немецкие войска всё ближе подходили к Москве, регламент налётов немецких самолётов изменился. Они стали прорываться к Москве чаще в уже начинающиеся сумерки. И как назло именно тогда, когда мы садились ужинать. Только подвинешь к себе тарелку с едой, как тут же начинала шуршать радиотарелка, звучали позывные, всегда предвещаю-

щие важные сообщения, и зычный голос Левитана объявлял **об очередной** воздушной тревоге. И сразу пропадал аппетит. Отодвигая от себя тарелку, я выскакивала из-за стола.

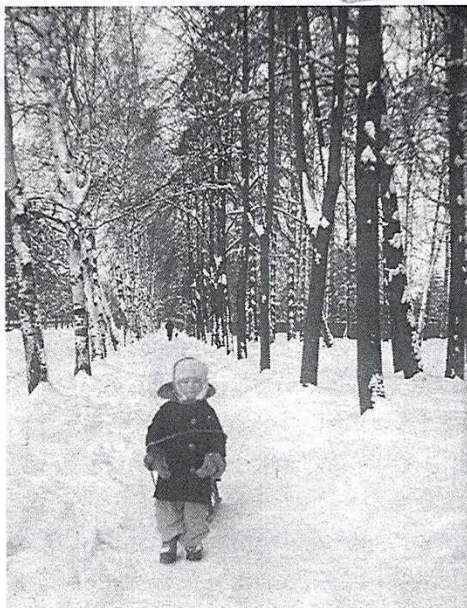
Эти радиотарелки тогда в домах и на улицах не выключались сутками, чтобы не прозевать важных сообщений и сигналов к воздушной тревоге. В первый месяц напуганные войной жители сразу же после объявления воздушной тревоги быстро собирались и уходили из домов в ближайшие бомбоубежища. У нас бомбоубежищем служила «щель», как обычно её называли, вырытая за соседним домом и рассчитанная на наш и соседний дом.

Это была обычная довольно длинная и глубокая траншея с земляными ступенями вниз и земляными же диванами по бокам. Сверху щель была накрыта досками и завалена толстым слоем земли с дерном. Ещё до объявления тревоги у каждого уже было собрано в узелок необходимое: документы, деньги, продукты и бутылка воды на случай долгой задержки в щели. Брали и тёплую одежду, так как в щели было сыро и холодновато.

Короткой и страшной была сама дорога в эту щель. Только иногда мы проходили спокойно по своей аллее до щели.

Чаще же шли под грохот зенитных батарей и шуршание осколков по листьям лип, сыпавшихся от разорвавшихся в небе снарядов наших зениток.

И обязательно голову и плечи предохраняли от

Женя на аллее, 1941 г.
Справа за деревьями
летом будет вырыта щель, к ней дорога
по этой аллее

развороченных взрывами острых осколков от снарядов. Кроме одеяла голову мама заставляла покрывать небольшой подушкой. Иногда, проходя по аллее, мы слышали отчаянные крики случайных прохожих на шоссе, пойманных этими осколками.

А утром с ребяташками соседнего дома я прочёсывала улицу и шоссе в поисках осколков от зенитных снарядов. Собирали мы только самые развороченные из этих осколков, которые нельзя было даже брать голыми руками. Они сразу вонзались остриями в пальцы. Потом мы хвалились между собой, у кого больше самых развороченных и страшных трофеев. Пробовали мы забраться в лес и посмотреть, что собой представляют зенитки, благодаря которым мы имели свои трофеи.

Всего-то надо было перейти шоссе и войти в лес, это минутное дело. Однако увидеть зенитки нам так и не удалось. Сразу за дорогой и аллеей вдоль кромки леса в несколько рядов была протянута колючая проволока. Это нас не испугало, и мы полезли под проволоку. Только пролезли и не успели ещё оглядеться, как перед нами возникли военные и скомандовали:

– А ну-ка! Быстро марш отсюда! И чтобы больше мы вас тут не видели!

Иногда меня спрашивают, страшно ли было тогда жить в Москве, подверженной вражеским бомбёжкам. Нас, детей, в какой-то степени, можно даже сказать, увлекала эта опасная для нас игра в войну. Так мы её расценивали. Но до той поры это для нас было своего рода игрой, пока, как говорится, нас не клюнул жареный петух. А взрослые, более реально оценивая в те летние месяцы обстановку в городе, и в целом в стране, естественно, жили в страхе.

Я стала по-настоящему бояться бомбёжек после одной из ночей в щели. В тот вечер не ждали тревоги, она была днём. По радио были утешительные сообщения, что несколько вражеских воздушных атак были успешно отбиты на подступах к Москве. И небо над городом нам обещали чистым до утра. Мы спокойно поужинали и легли спать. Меня разбудили истошные гудки меховой фабрики и густой бас лучшего диктора нашего радио, от-

чеканивавшего каждое слово: «Граждане, воздушная тревога, спускайтесь в бомбоубежища».

Его повторная информация продолжалась несколько минут. Не успел ещё затихнуть голос Левитана, как загрохотали наши зенитки. Видимо, прорвались фашистские самолёты где-то недалеко от нас. Мама в страхе бестолково металась по комнате в поисках нужных вещей и кричала:

– Скорей одевайся, пойдём в щель. Свет отключили. Ревел разбуженный шумом братишка. Мама велела мне надеть пальто и валенки.

Но искать в темноте что-либо было бессмысленно. Что быстро нашли в темноте, то и надели. Дорога в щель тогда показалась нам очень длинной и страшной, а идти-то было всего 5–7 минут, но каких! Вокруг нас непрерывно, отчаянно грохотали зенитки, в небе истошно ревели немецкие бомбардировщики. На нас дождём сыпались острые осколки от своих же разорвавшихся снарядов зениток.

Осколки шуршали по листьям деревьев, цокали по асфальту шоссе. Мы шли в одеялах и с подушками на голове. Мне под ноги свалился один осколок. Он был ещё почти горячим и острым. Я прихватила его через край одеяла. Потом дома рассмотрела. Он был так разворочен, что на него было даже страшно смотреть. Весь он зиял острыми углами, как шипами.

Добравшись благополучно до щели, мы с трудом спустились по скользким от пролившегося накануне дождя ступеням. И сели на свободные места земляного дивана, подложив под себя принесённые из дома подстилки. На руках у мамы заснул братишка. В щель звуки доносились глухо. Поэтому, посидев некоторое время, кто-то решил проверить, может уже тихо и приоткрыл крышку люка.

На нас сразу свалился шквал: грохотали неумолчно зенитки, ревели вражеские самолёты, сыпались как из рога изобилия осколки. На открывшего крышку все сразу зашикали, и он опустил её. Мы поняли, что сидеть нам во мраке и сырости ещё долго. А очень хотелось спать. Мне мерещилась наша тёплая, сухая

комната и моя уютная раскладушка. Постепенно стал пробираться под одежду холод. Закутавшись плотнее в одеяло, хотелось куда-то прилечь. Я завидовала брату, который безмятежно спал, хорошо закутанный, у мамы на руках. Незаметно и я стала сидя подрёмывать.

Внезапно сверху за пределами щели появился завывающий визжащий звук, он нарастал, и казалось, что это прямо над головой.

– Это фугаска так визжит, когда летит, и нам сейчас кранты! – подал голос парень с глубины щели. Все всполошились. Мама в панике крикнула, чтобы я положила подушку на голову. Но даже я уже понимала, если это фугасная бомба, то никакая подушка уже не спасёт. А визг был всё басовитее и слышнее. Меня начала бить нервная дрожь. Мысли путались, и только одна из них, вернее вопрос, был чётким:

– Нам конец или пролетит мимо? А визг становился всё настойчивей и ближе и казалось, просверливал уже голову. «А может уже стоит бежать в лес?» – объятая ужасом, в панике думала я. Но никто не трогался с места. Все сидели молча, наверно в страшном напряжении, и тот парень больше не подавал голоса.

А что мы могли ещё сделать? Бежать в лес, как от страха безрассудно намерилась вначале я? Но умом-то я понимала, что ареал воздушной волны от взрыва фугаски огромен. Да неизвестно ещё, где точно она упадёт и в какую сторону бежать. И я осталась сидеть, словно пригвождённая к месту.

А визг всё больше и больше сверлил мою голову и загипнотизировал меня сидеть на месте. От таких необычных, да и страшных звуков проснулся и ревел мой братишка. Мама всё никак не могла его успокоить. Наконец раздался такой силы взрыв, что стало больно ушам, колыхнулась под нами земля, из разошедшихся досок потолка посыпались на нас комья земли.

И потом разом все шумы вдруг стихли, кроме всё возрастающего рёва Женьки.

– Слава Богу, пронесло, но кого-то ведь совсем близко от нас сильно прихлопнуло. – раздался из темноты щели чей-то муж-

ской голос. – А теперь можно и вылезать, улетели бандиты. Сделали своё чёрное дело и тикать.

Чиркнули спички, засветились свечи и осторожно, поддерживая друг друга на полуразвалившихся от взрыва ступеньках, мы вылезли под сень чистого чёрного неба с яркими звёздами и круглой луной.

Стояла такая тишина, и даже не верилось, что только что здесь был ад. О нём напоминали лишь то и дело попадавшие под ноги осколки от снарядов. «Повезло же фашистам, – с горечью подумала я, – в такую ночь всё хорошо просматривается на земле».

А наутро мы узнали, что та фугаска разорвалась среди нескольких щелей, вырытых очень близко друг от друга. Она засыпала и похоронила сразу 102 человека посёлка Калошино, что находился рядом с Бауманским городком, куда мы постоянно ходили в магазины. От нас это не больше чем в 1–1,5 км. До сих пор я точно помню эту страшную цифру засыпанных в огромной воронке, хотя прошло более семидесяти лет. Она врезалась в мою память навечно. Взорвалась в Калошине в тот вечер не только та, но ещё и другая фугаска, но, к счастью, вторая упала в стороне от села и никого не убила.

Ко времени падения тех фугасок вражеские налёты на Москву стали почти ежевечерними. Возвращались мы часто домой из щели уже глубокой ночью и шли в крошечной темноте, если не было луны или звёзд. Тогда освещали путь фонариками. После таких походов я могла спать хоть до обеда. Маме же приходилось рано вставать к маленькому брату. Но и он стал плохо спать и много капризничал днём. Да и после взрыва напугавшей нас фугасной бомбы мы поняли, что от фугасок в щелях не спастись. И ещё старик, чья дверь была напротив нашей комнаты, часто говаривал:

– И сдалась вам эта щель. Я вот никуда не хожу. Хочу умереть с комфортом в собственной постели, а не в сырых щелях. Нагляделся и налазился я по таким траншеям ещё в Первую мировую. От фугаски ни в щели, ни в доме не спастись. А вот от

зажигалок хотя бы дома спасёшься. Мои внуки каждую тревогу проводят на крыше и наловчились щипцами хватать зажигалки и топить их в бочках с водой, которые всегда сейчас обязаны быть на крышах. (В каждом доме тогда в Москве были налажены такие дежурства на крышах во время бомбёжек.)

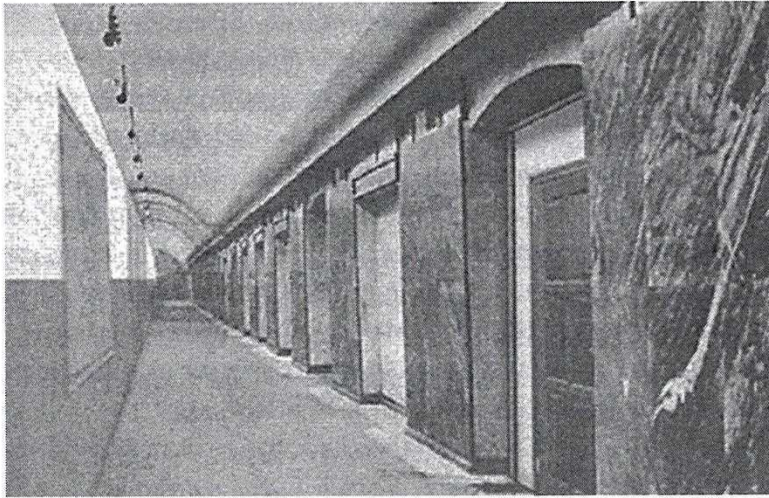
После случая попадания фугасной бомбы в щели Калошина люди стали предпочитать метро. Поэтому при объявлении по радио возможной вечером воздушной тревоги трамваи и автобусы ещё до сумерек были полны людей с узлами, которые двигались к метро. Взвесив все за и против, мама решила сделать хотя бы временную передышку от походов в щель.

И несколько дней мы дома просто приходили в себя после того жуткого сидения в щели. Нервы были напряжены до предела. Случались, пока мы сидели дома, и тревоги. Но идти опять в эту щель под градом осколков со знанием, что всё равно от фугасок не спасёшься, больше никак не хотелось. Видимо, уже стали мы привыкать к зениткам и по окончании тревог спокойно спали дома.

Однако немцы вдруг опять изменили свой режим налётов на Москву. Тревоги стали возникать беспорядочно: рано утром или среди ночи, а то с позднего вечера и до утра. Режим сна и бодрствования был совсем нарушен. Тогда мама решила каждый вечер уходить с нами на ночь в метро, чтобы хоть ночной сон был нормальный и спокойный.

Наиболее глубокие станции метро были непробиваемы для фугасок. От нас такими ближними станциями были: Красные Ворота и Кировская (ныне Чистые пруды). На Кировскую почему-то вечерами не пускали. Даже и днём поезда на ней не останавливались.

Спустя много лет я узнала причину закрытия для населения этой станции метро, прочитав воспоминания ветеранов войны Музея землеведения МГУ, в которых Юрий Константинович Ефремов, активный участник ПВО столицы, писал, что на станции метро Кировская в годы войны размещались отделы Генерального штаба и ПВО.

Станция метро Кировская в годы Великой Отечественной войны

А первые месяцы войны в подплатформенных помещениях станции со стороны первого пути помещались рабочие кабинеты Сталина и начальника Генштаба Шапошникова. Остальные подплатформенные помещения использовались для работы и как узел связи. Когда прекращалось движение поездов, к платформе первого пути подавался состав, вагоны которого служили для работы и отдыха. Кроме того, этот состав перекрывал тоннель для исключения каких-либо непредвиденных ситуаций.

И вот после ужина в девятом часу вечера мама с собранными заранее необходимыми вещами, документами и деньгами отправлялась с нами к трамвайной остановке. Я спешу, чтобы не отстать от мамы с рюкзаком за плечами, узлом в руке и одеялом во второй руке. Мама торопливо идёт тоже в рюкзаке с огромным узлом в одной руке и часто с Женей в одеяле на второй руке, когда он хнычет полусонный, что не хочет никуда идти, а хочет в свою кроватку спать. И мы так одно время регулярно, каждый вечер отправлялись к самой ближней к нам станции метро Сокольники.

В трамвае в такой поздний час мы не были одиноки. Люди с узлами, сумками, да некоторые ещё и в зимних пальто, хотя ещё стояло лето, торопились попасть в метро до начала воздушной

тревоги. Подходили к метро мы уже с большой толпой народа, стекающегося сюда с ближайших улиц и с трамвайной остановки. С обеих сторон платформы станции Красные Ворота неподвижно стоят составы.

Поезда теперь ходят только до 8 часов вечера. В вагонах разрешают размещаться больным, инвалидам и матерям с детьми до двух лет. Мы всегда спешили пройти мимо вагонов, уже наполненных людьми, к тоннелю, чтобы успеть занять не очень далёкие места от платформы станции. После восьми вечера на рельсы в тоннеле кладутся деревянные щиты. Они и служили нашими спальными местами.

Спустившись по сходням с платформы (вскоре сходни заменили сколоченной из досок лесенкой), мы попадаем в царство лежащих, спящих, шевелящихся и сидящих людей на щитах, уходящих далеко вглубь освещённого тоннеля. По его центру отбит неширокий проход, уходящий вдаль, а слева и справа до стен свода тоннеля спальные места. На щиты люди стелют у кого что есть. Хочу описать один из таких наших походов.

Вот мы идём по проходу вглубь тоннеля, пока не находим свободного места. Я постелила на доски старенькое ватное одеяло, положила на него подушечку и легла. Мама рядом со мной постелила перинку и прилегла на ней с Женей. Мне не спится, мешает шум ещё не устроившихся людей.

Я сажусь на своей постели и начинаю разглядывать тех, кто недалеко. Рядом с нами место занимает семья, состоявшая из матери с двухлетним мальчиком, годовалой девочкой и старушки. Они могли разместиться в вагонах на платформе, но там уже очень тесно и они пришли сюда, тут больше воздуха. Но малыши никак не могут уснуть.

Они испугались тёмного и хмурого свода тоннеля. Им мешал уснуть и многоголосый людской говор, и детский плач. Они испуганно жались к матери. Тогда мать положила обоих к себе на колени. Они вцепились в неё ручонками и так и уснули. Моего братца не слышно, наверно, спит. Его загораживает от меня мама, лежавшая на боку, спиной ко мне. Да и мама лежит неподвижно, тоже, может, уснула.

Мне становится скучно. И я решаюсь навестить свою подружку Инну. Она с матерью в вагоне на платформе. У неё нога в гипсе. А всё дело в том, что от школы месяц назад был организован лагерь за городом. И нас с Инной оформили в тот лагерь. Мы уже, помню, и на трамвае ехали с чемоданами к определённой станции метро, где был сбор. Но мама вдруг схватила меня за руку и вывела из вагона, сказав, что никуда она меня от себя не отпустит. Я ревела, мне очень хотелось вместе с Инной в лагерь. Но мама была неумолима, сказав, что в такое трудное время нужно быть всем вместе.

А вскоре Инна вернулась домой со сломанной ногой. Оказалось, что и там начались бомбёжки, и всех вернули домой. Мама тогда сказала, что как чуюло её сердце, что лагерь добром не кончится. Если Инна только ногу сломала, то я непоседа и шею бы себе свернула.

Я тихо встаю, чтобы не разбудить маму, в своём пальто шариваю кошелек со своими монетками. Может, что интересного встретится на платформе. Там всякие киоски всю ночь работают. На платформе я ищу вагон № 22, где Инна. Он в самом конце платформы. Вошла и сразу увидела подружку. Она сидела и читала книгу. Удивилась, что и я не сплю. Сказала, что книгу купила тут на платформе. Этой книгой оказался Том Сойер, которую я начинала читать в бомбоубежище Бауманского городка.

Мне тут же загорелось эту книгу купить тоже. От нашего разговора проснулась Иннина мама. И отпустила Инну на платформу, дав ей денег на газировку. Я потянула её в первую очередь к книжному киоску. Она еле поспевала за мной на костылях. А я торопилась, боясь, вдруг эти книги кончатся, и я останусь без Тома Сойера. И уже с купленной книгой в руках мы пошли пить газировку. Я взяла с вишнёвым, а она с лимонным сиропом.

Потом мы пошли к нам в тоннель. Ей интересно было посмотреть, как там все располагались. Но я совсем как-то не приметилла и долго не могла найти наше место. Да и запомнить своё место среди массы народа и одинакового тёмного свода тоннеля трудно. Я так испугалась, даже слёзы уже стояли в глазах, когда,

наконец, услышала мамин голос: «Ангела, мы здесь». Оказалось, что мы ещё не дошли до мест, где мама. Я проводила Инну до платформы, мы пожелали друг другу спокойной ночи, договорившись завтра уезжать домой вместе.

Помню почти всегда, когда мы поднимались наверх и выходили на улицу, в небе нас встречали дирижабли. Люди, выплеснувшись из метро со своими узлами, в первую очередь всегда смотрели, есть ли где зарево пожара от зажигательных бомб. Если зарево где-то было, а иногда и в нескольких местах, то шумно начинали гадать, не близко ли оно от родного дома, не пострадал ли дом? Нам надо было смотреть на Восток, где всегда была заря. Но я теперь уже разбиралась, где естественная заря, а где настоящий пожар. Он всегда, хоть немного, но с дымом.

Не помню сейчас точно, а в моих детских очерках это не отмечено, сколько мы раз ездили, чтобы прятаться от бомбёжек в метро. Но не меньше десяти раз, если не больше. За это время дом наш не пострадал и остался цел. Однако мы сами очень изматывались, больше чем при укрытии в щели. Там-то мы редко сидели больше 2-3-х часов.

А на метро уходило ежедневно до половины суток. Я долго с вечера там не могла уснуть. А утром нас рано выпроваживали из метро. Поднимали настилы с рельс и ставили эти щиты у стен почти до самой следующей станции. Метро начинало работать с шести часов утра. Да у нас уже и притупилось чувство страха от бомбёжек. И рёва фашистских самолётов мы уже не так боялись, как в первые дни.

И последнее время перед эвакуацией мы часто во время воздушных тревог оставались дома. Тогда уже фашисты налетали по несколько раз за сутки. Угадай тут, когда ехать прятаться в метро. И в щель, как мы уже поняли, идти бесполезно. Пережидали бомбёжки дома. Затыкали уши ватой. Если ночью шла какофония грохота и воя, я накрывала голову подушкой. И мечтала быстрее уехать к маме на родину в Балаково. Я любила слушать рассказы мамы о её балаковском детстве.

НАШ ПУТЬ В ЭВАКУАЦИЮ

К концу первого военного лета Москва опустела. Многие учреждения эвакуированы. Немало людей забрал фронт. Многие женщины с детьми готовы были уехать хоть куда, лишь бы подальше от изнурительных, выматывающих бомбёжек. Мама тоже решила уехать с нами, детьми. Мне тогда было десять лет, а брату всего четыре года. Отца с нами не было. Незадолго до войны он был командирован в Таджикскую республику с группой изыскания, как её руководитель. И не вернулся, так как был там репрессирован.

Мы хотели уехать к родственникам в Саратовскую область. Однако очень трудно было достать билеты на железную дорогу. Ведь кинулась уезжать сразу большая масса людей. А тут заговорили о том, что легче уехать, если ты официально эвакуируешься из Москвы. Мама куда-то несколько раз ходила. И, наконец, пришла домой со справкой об эвакуации и билетами на поезд. Эта эвакуационная справка до сих пор у нас хранится дома как реликвия того времени.

Лев Евгеньевич Ермолаев, папа,
1940 г.

И вот наступил день отъезда. В нашей комнате стояли запакрованными чемоданы, довольно вместительная плетёная корзина в форме сундука, два рюкзака для мамы и меня с нашей повседневной одеждой. Да ещё большой туго набитый мешок, сшитый мамой из клеёнки на стол. Этот мешок спас нас в первые месяцы от неминуемого голода. В мешке были насушенные мамой сухари, банка стужённого молока, крупы и домашняя копчёная колбаса. О колбасе целая история. За несколько месяцев до начала войны женщина с соседнего

двора, помню звали её Марусей, предложила маме совместно откормить поросёнка. Тетя Маруся, работая проводницей на поезде, бралась задёшево купить маленького поросёночка. У неё был сарайчик.

Она взялась ухаживать за этим поросёнком. А нам предстояло оплачивать для него корм.

И вот в сарайчике появился крохотный поросёночек с розовым пятчком и маленькими, прямо игрушечными копытцами на ножках. Он быстро рос. К началу войны это уже был хороший подсвинок. Так как в военное время стало трудно добывать для него корма, то его пришлось зарезать раньше времени. И тут мы столкнулись с другой проблемой. Как и где в летнее время хранить мясо? Холодильников тогда не было и в помине. И жили мы в комнате площадью в десять квадратных метров.

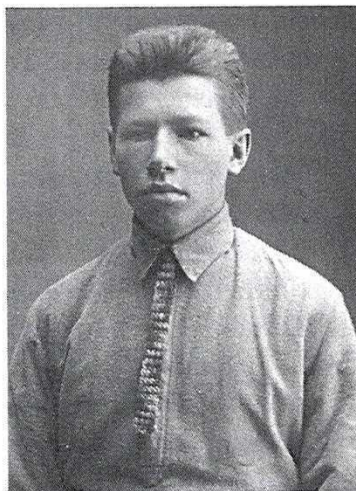
Она служила нам спальней, столовой и ванной. Помню, у окна стоял мамин, ещё девичий однотумбовый письменный стол. По обе его стороны размещались кровати. Когда брат был совсем маленьким, то спал в большом фанерном ящике, обитом тканью и поставленном на две табуретки. А когда он немного подрос, то ему отдали мою кровать, а меня переместили на раскладушку.

Вот и пришлось положить нашу половину поросенка в детской ванночке под стол по соседству с умывальником, прибитым к тумбе стола. Мы так и умывались под столом из этого умывальника-дёргалки. А для сохранности мяса мне пришлось бегать с молочным бидончиком на покупку сухого льда у мороженщиков. В перерывы между бомбежками мама перерабатывала мясо поросёнка: засаливала окорок и грудинку, делала колбасу.

В день отъезда, когда мы ехали на вокзал, я ожидала увидеть на платформе обычный пассажирский поезд. Однако после небольшого ожидания на нашу платформу пыхтящий паровоз привёл за собой состав из товарных вагонов для перевозки животных. Они отличались от обычных товарных вагонов наличием маленьких продолговатых окошек под потолком. И если бы нам не помог шофёр нанятой мамой машины, что везла нас на вокзал, то вряд ли мы смогли бы погрузиться в такой вагон.

Екатерина Уварова-Ермолаева, мама,
Москва, 1926 г.

Лёва Ермолаев,
Балаково, 1923 г.

посадку пассажиров. Поэтому у раздвинутых дверей вагона собралась толпа кричащих, толкающихся людей, старающихся скорей закинуть вещи в вагон и застолбить ими себе место на полу. Наиболее деловые закидывали чемоданы через головы людей на высоко приподнятый над платформой пол вагона.

За посадкой в наш поезд следил дежурный с красной повязкой на рукаве. Он мелькал среди толпы на платформе, останавливаясь у вагонов, где посадка была наиболее шумной. Тогда предупредительно звенел его свисток. Если свисток не помогал, то он подходил и разбирался с виновниками нарушения правил посадки. Товарные вагоны не имели ступенек. И мы поднялись в вагон по сходням. Нам досталось место в темном углу. В пути лишь в густые сумерки зажигались тусклые лампочки в метал-

лической сетке под потолком. Но так как стояло лето с длинными светлыми и тёплыми днями, то раскрытые почти круглые сутки раздвижные двери вагона давали много света и свежего воздуха. Вместо туалета в вагоне стояло оцинкованное ведро. Кто-то пожертвовал тёмную занавеску, которую прицепили вокруг ведра от потолка. Когда ведро наполнялось, его выливали за дверь. Чтобы ничего и никто не вывалился из вагона, низ раздвинутых дверей на треть прикрывали тяжёлыми поставленными поперёк сходнями.

Задвигали двери на ночь лишь во время сильного ветра или дождя.

Как только поезд отошёл от платформы, постепенно все успокоились и занялись устройством своих мест. Мама сделала нам сиденья из чемоданов, а брату постелила на широкой корзине. Накормила его манной кашей из взятого из дома термоса и уложила спать. Он всегда спал днём. Вот поезд остановился на какой-то подмосковной станции и все ринулись за кипятком.

Я схватила опустевший термос и молочный бидончик и побежала за всеми. В зале ожидания вокзала образовалась длинная очередь к крану большой ёмкости с кипятком. И всё последующее время в пути нас спасал на станциях этот кипяток. Он был не только основой для чая. Из него быстро делали кашу из манки или овсянки, а то и суп с дополнительно размоченными в нём сухарями.

А уже остывший. он утолял жажду среди дня. Нам тогда нигде не встречалось фанты, минеральной воды и других известных сегодня напитков. Тогда их просто не было. До войны продавалась в магазинах и аптеках в расфасовке минеральная вода, чаще всего боржом, нарзан и эссентуки. На улицах Москвы стояли бочки с квасом и киоски с газированной водой. Их продавали разливом в стаканы и кружки. В одну из очередных стоянок мы узнали страшную весть. Вскоре после отправления нашего поезда из Москвы над Казанским вокзалом появились немецкие самолёты и разбомбили все стоявшие на платформах поезда. Задержись наш поезд на Казанском вокзале при отправ-

лении хотя бы ещё на десять, пятнадцать минут, и нас бы уже не было в живых.

Наш путь в поезде был до Сызрани. Согласно расписанию, поезда преодолевали этот путь менее чем за сутки. А мы ехали в телячьем вагоне больше недели. Всё дело в том, что мы стояли на запасных путях дольше, чем ехали. В первую очередь по железным дорогам пропускались воинские эшелоны, идущие в помощь фронту, и санитарные поезда, вывозившие в тыл раненых. Мы же ехали по второстепенным дорогам в обход главных магистралей. Наш поезд пускали там, где он не мешал основному движению. А перед необходимым пересечением главных магистралей иногда ожидали зелёного светофора по многу часов.

Женя и Анжела, Москва, 1938 г.

Загоняли нас на запасные пути без объявления длительности стоянки. И хорошо, если эти стоянки были вблизи станций или около человеческого жилья.

Мы запасались едой и заправлялись кипятком. Хуже было, когда мы останавливались в чистом поле, лишаясь кипятка и

хлеба. Да и в любую минуту поезд мог тронуться с места, заставляя зазевавшихся бежать за своим вагоном.

Так однажды случилось и со мной. Как-то тёплым солнечным днём поезд остановился посреди степи. Как обычно, сразу поставили сходни, и пассажиры сошли на землю подышать степным воздухом и размяться после многочасового сидения. Я привыкла к остановкам, длящимся по нескольку часов. И спокойно пошла к небольшим кустикам, около которых пестрели цветочки.

Они так и манили меня своими качающимися на ветру головками. Сорвав первые белые цветы, наверное, это был тысячелистник, чуть дальше мне приглянулись сиреневые колокольчики. Я намеревалась подойти и к ним. Но тут меня внезапно что-то заставило оглянуться назад. И я увидела, что наш поезд медленно движется вперёд. Бросив цветы, во весь дух я полетела к поезду. Добежала до своего вагона, а забраться в него не могу.

Сходни, естественно, уже убрали, и не за что было уцепиться, чтобы подтянуться и влезть в вагон. До высокого для меня пола вагона руки не доставали, а около раскрытых дверей никого, кто бы мне мог помочь, не было. Зачастую кто-нибудь из парней или стариков стоял у раскрытых дверей и курил, а тут никого. Так я некоторое время, может с минуту, а казалось долго, всё неслась, не отставая от своего вагона, благо поезд шёл очень, очень медленно. Бежала я, растирая слёзы по лицу, и орала: «помогите мне влезть! Помогите мне влезть!»

Надеялась, что кто-нибудь да услышит или мама хватится, что меня нет, но никто не появлялся у дверей. А тут поезд пошёл быстрее, я уж еле успевала бежать в пределах своего вагона. И стала уж думать, в какую сторону мне ближе идти к станции, чтобы заявить, что отстала от поезда, как тут в открытых дверях показалась мужская фигура:

– Девочка, что ты бежишь за поездом, иди домой, покатайся захотела, а мы далеко едем.

– Пожалуйста, дайте мне руку, я с этого вагона, сил больше нет бежать.

– Да как же ты так отстала? – Пожилой мужчина нагнулся и протянул мне руку. Со страха я вцепилась, наверное, до боли в его ладонь. Он стал тянуть меня. Мне казалось, что рука выдернется из плечевого сустава, но до пола вагона он меня никак не мог поднять. Потом рванул с такой силой вверх, обдирая мне рёбра о неровности края пола, что я чуть не закричала. Но вот, наконец, мои ноги коснулись пола. Я спасена!

Но долго ещё не могла прийти в себя. Пульс был бешеный. И дышала я, широко открыв рот, как рыба, только что вытащенная из воды. До этого случая я никогда так быстро не бежала. А мама, к моей радости, так и не спохватилась меня, так как не поняла, что поезд уже движется. Капризничал мой братик, и она возилась с ним. Я же была так напугана этим случаем, что в следующих стоянках дальше, чем на десять метров не отходила от вагона. А маме так и не призналась, боялась наказания.

Когда наш поезд добрался до Тамбовской области, мы стали двигаться быстрее. Остановки стали более редкими и непродолжительными. А когда доехали до Пензы, то стали упаковывать вещи. До Сызрани уже было недалеко. Не помню уж, где мы на стоянке оказались рядом с составом, в котором были одни открытые вагоны – платформы с невысокими бортами. И все эти платформы были битком набиты женщинами с детьми. И вдоль и поперёк эти вагоны-платформы были перекрещены верёвками с сушившейся одеждой.

Из разговоров с ними выяснилось, что этот поезд идёт из Симферополя. В составе были эвакуированные из разных городов Крыма. Ехали они уже долго. Чудом увернулись от бомбёжек, но дорогой их застал сильный ливень. Все вещи и они сами вымокли, как говорится до нитки. И на ветру в открытых платформах продрогли до костей. Когда садились в поезд, то рады были и платформам, так как немцы были уже недалеко, а других вагонов уже не было. У большинства уже ничего не было съестного: ни хлеба и ни воды. Из нашего состава люди кинулись наперебой предлагать им кто что мог. Я тоже побежала с колбасой и бидончиком воды.

Уже сентябрьским ненастным утром мы наконец-то доехали до Сызрани. Дальше до Балакова, маминой Родины, где нас ожидала бабушка и мамыны сёстры, нам надо было плыть по Волге, так как к Балакову тогда ещё не подходила железная дорога. На площади у вокзала стояло несколько подвод с запряженными в них лошадьми. На одной из этих подвод, громко цоккая подковами по булыжной мостовой, гнедая кобыла повезла нас от вокзала к пристани.

Пока ехали, извозчик огорошил нас своим рассказом, что парохода ждут больше сотни человек, билетные кассы закрыты, а пароходов давно нет.

– Кому недалеко плыть, нанимают лодки, – продолжал он рассказывать, – а кому далеко, ждут незнамо чего, живя дни и даже недели на речном вокзале. Но об этом вновь приезжающие ничего не знают, и я почти что каждый день вожу и вожу всё новых пассажиров на речной вокзал.

Видя, что домов вокруг уже нет, а мы всё едем, едем и ни реки, ни пристани ещё не видно, я спросила:

– Почему так далеко пристань от вокзала и города?

– Да потому что обидела нас Волга-матушка, взяла и вильнула в сторону от города, изменив своё русло. А строилась-то Сызрань в семнадцатом веке прямо на Волге в устье реки Сызрани. С тех пор река по своим капризам уж несколько раз меняла русло.

Наконец вдали показалась широкая река, и над ней сгруппировались, закрывая противоположный берег, нехорошие тёмные тучи. «Быть дождю» – подумала я. А чуть поодаль, на пригорке, весь в белых кружевах со стройными белыми колоннами, подпирающими второй этаж здания, служащий и крышей для широкой террасы с высоким крыльцом, возвышался речной вокзал. И столько там везде было людских тел, что яблоку, наверное, упасть было негде. Люди сидели и на всех ступенях террасы, оставляя лишь в центре узкий проход.

Нам повезло, увидев лошадь, с набитой людьми террасы стала спускаться женщина с двумя детьми. Извозчик отнёс наши

вещи в террасу на место той женщины, взяв её с детьми на свою подводу. Продав несколько дней парохода, она решила уж ехать поездом. Ей и поездом можно было доехать. И рада была, что подвернулась, наконец, лошадь. Место той женщины оказалось на полу в углу террасы. С одной стороны была стена здания, а со стороны реки вырезанный узорами, щелястый борт террасы.

Мама повесила на дырястый борт детское одеяло, тянуть холодом из узорных щелей сразу перестало. Пока мама устраивалась на новом месте, я направилась изучать, что вокруг. Зашла в здание вокзала. В зале ожидания все скамьи были заняты женщинами с малыми детьми. И там я увидела бачок с краном и надписью: «Кипяток». А время уж подходило к обеду. Я побежала с радостной вестью к маме и вернулась к бачку, вооружённая термосом и бидончиком.

И вскоре мы ели из большой миски наведенный мамой суп из размоченных кипятком сухарей, геркулеса и кусочков колбасы. А я к тому же с удовольствием уплетала свежий хлеб, которого у нас не было уже несколько дней, и мы обходились только сухарями. Хлеб я купила, обнаружив хлебный ларёк под одной крышей с билетными пароходными кассами на пристани под пригорком. На стене билетных касс увидела висевшее красиво оформленное расписание движения судов на летний период 1941 года.

Согласно расписанию ежедневно в обе стороны (вверх и вниз) по реке отправлялись несколько пароходов, теплоходов и быстроходных катеров. Где же они сейчас? Конечно, необходимы пароходы для передвижения военных грузов в местах, где нет железных дорог. А таких мест тогда было немало на Волге и её притоках, а не одно только наше Балаково. Да и раненых после санитарных поездов до места назначения лучше было везти на пароходах, чем в машинах и лошадиных подводах по пыльным дорогам.

Нашими соседями по террасе была семья с двумя детьми. Отец двух мальчишек ходил на костылях, что-то у него было не

в порядке с ногой. А их мать, разговорившись с мамой, сказала, что её муж разговаривал с руководством речного вокзала и узнал, что недалеко отсюда в затоне ремонтируется двухпалубный пароход. Когда он будет на ходу, то в первую очередь разгрузит от пассажиров Сызранский речной вокзал. Значит, нам было, чего ждать. Но когда пароход пойдёт после ремонта в свой первый рейс, никто ещё не мог этого толком сказать.

Вечером мы устроились на ночь, как и в поезде: братишка на корзине. А мы с мамой на ватном одеяле, постеленном вместо матраца на простынку на полу. Под головой у нас вместо подушек скатанные шапки с шарфами. Укрылись мы своими осенними пальто. Ночью я проснулась от шума дождя и громких голосов. Противоположная от нас сторона террасы промачивалась косым дождём, и люди с вещами ринулись в зал ожидания.

Днём вторично пошёл дождь, но ветер дул теперь с реки и дождь стал проникать на террасу уже с нашей стороны. Пришлось переехать в зал ожидания. Свободным там оказалось только небольшое место около самой двери, на котором поместились лишь наши вещи. Нудный осенний дождь продолжался до вечера. Нечего было и думать ночевать на влажном полу террасы. Поэтому вторую ночь уже в зале ожидания братишка спал на корзине, а мы с мамой сидя на своих чемоданах. Я ещё ухитрилась заснуть, положив голову маме на колени и вытянув ноги.

Утром мама ушла за хлебом в ларёк, а вернулась с двумя мужиками, которые, подхватив наши чемоданы, понесли их к берегу Волги. Мама, надев рюкзак и успев шепнуть мне, что сейчас мы, наконец, поплывём, ушла с братиком за мужиками. Надев свой рюкзак на плечи, я осталась при остальных вещах в недоумении. Никакого парохода у пристани не было видно. На чём же мы поплывём? Вернулись мужики за нашими остальными вещами.

Я не выдержала и спросила, на чём же мы поплывём, парохода-то ведь нет? Сказав загадкой, что у них свой пароход есть, ещё лучше, чем у волжского пароходства, они рассмеялись. Ничего не понимая, я шла за ними. Когда подошли к пристани, я

увидела посреди реки только плывущую длинную вереницу связанных между собой плотов из толстенных брёвен. Но никакого парохода и близко не было. Маму с Женей я нашла на пристани около наших чемоданов. – А где же пароход? – На мой вопрос мама молча показала рукой в сторону плотов.

К пристани, покачиваясь на волнах, были прицеплены две большие лодки. В одну положили наши вещи, где лежал и мешок с хлебом мужиков. Гребец отцепил лодку и отчалил от пристани. Во вторую сели мы с помощью лодочника. И поплыли догонять плоты. Было очень страшно. Кроме своего Оленьего пруда и озера, да мелкой речки Серебрянки, я никогда не только не плавала на лодках, но даже и не видела такого широкого водного простора.

Река была беспокойна, волны так и старались перехлестнуться в лодку. Но каждый раз наш гребец так её поворачивал, что нос лодки разрезал волну и она, опадая, отступала. Когда я уже, наверно, в десятый раз распростилась с жизнью, мы догнали плоты. Гребцы прицепили к ним лодки. И помогли нам взобраться на плот из толстенных сосен. Нас поместили в брезентовую палатку. Туда и перетащили все наши вещи. В палатке были широкие нары. На их дощатый настил с набросанными на него берёзовыми вениками мама постелила ватное одеяло, уже служившее нам в пути матрасом. И на нём уже прыгал мой братишка. Мы с мамой присели на нары. И я поинтересовалась, как же маме удалось найти этих плотовщиков, с ними договориться, да и решиться так плыть.

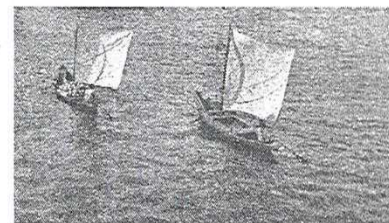
Она рассказала, что, отстоявши в ларьке длинную очередь, купив хлеб и ещё не успев его положить в сумку, услышала, как два мужика стали просить продавщицу отпустить им хлеба без очереди. Они аргументировали тем, что, мол, не нагнать им тогда своих плотов. Мама, подождав, пока они купят целый мешок хлеба, спросила, как далеко они плывут и не возьмут ли нас до Балакова. Они и согласились.

– Конечно, нам на плоту не так будет удобно, как было бы на пароходе, – так закончила мама свой рассказ, – но сколько

ждать парохода неизвестно, да и непонятно, в какую сторону он в первую очередь поплывёт вверх или вниз по реке. А с этими плотами мы уже завтра к вечеру будем в Балакове. А насчёт того, как же я решилась на такое. Ты забываешь доченька, что я волжанка. Всё детство и юность прошли около Волги. Ещё и не такое случилось.

И она рассказала, как однажды девчонкой им надо было с мамой попасть в село Широкий Буерак, что на другой стороне Волги. И они поплыли через Волгу на досчанике, такой большой плоской лодке. И вдруг досчаник стал быстро наполняться водой. Плывшие с ними бабы, возвращавшиеся домой после распродажи молока, стали визжать, поднимая ноги от воды и полы своих длинных юбок. Их пустые молочные фляги поднялись со дна лодки и раскачивались на воде.

Когда выплыли на середину Волги, вода в лодке поднялась больше чем на треть. И досчаник грузно осел в воде, почти что с бортами. Мама уж было распростилась с жизнью, как невдалеке показался катер. С него услышали вопли баб, подцепили досчаник и быстро рванули к берегу. Успели дотащить, пока он не пошёл вместе с нами ко дну.

Досчаники на Волге в 1920-е годы

Откуда-то потянуло дымком. Я выглянула из палатки и увидела невдалеке на плоту ярко горевший небольшой костёр, а над ним два котла с каким-то варевом. Пламя костра колебалось от налетающих порывов ветра. И тогда он дымил. Тут братишка, захныкав, стал просить есть, и мама послала меня с бидончиком за кипятком к костру.

Заправлял костром плотовщик, который перевозил нас на лодке. И на мою просьбу налить кипятка, наложил в бидончик горячей пшённой каши из котла, а за кипятком просил придти позже, сказав, что вода, поставленная на чай, ещё не закипела. Каша, припахивающая дымком, оказалась очень вкусной. Пока

мы её ели, к нам подошёл тот же мужик от костра и поставил у палатки большой закопчённый чайник с горячим чаем.

После обеда мама стала укладывать Женьку поспать днём, а я направилась знакомиться с плотом. С испугом перенеся опасное путешествие в лодке, при благополучном приземлении на плоту, я перестала бояться полноводной и беспокойной реки. И даже считала большой удачей, что мы сюда попали. И не только потому, что уже движемся к нашей конечной цели, а не сидим в переполненной террасе речного вокзала, открытой всем ветрам и дождям, но и по другой причине.

Я завидовала раньше Тому Союеру с Геком, путешествовавшим по реке. А теперь и у меня такое же романтическое путешествие. Правда, Том с Геком были совсем свободны и делали, что хотели, а я привязана к маме. Но я тут же себя успокоила. Мама связана по рукам и ногам с моим капризулей братом. Вот и сейчас будет возиться с ним, и я могу делать чего хочу. От стволов плота сильно пахло сосной, что живо напомнило мне родное Измайлово, где во дворе у нас росла огромная раздвоенная сосна. Когда-то кончится война, и я опять попаду домой? Сердце кольнуло тоской.

Однако вокруг было столько интересного, что моя тоска быстро растаяла. Меня привлёк настоящий дом с крышей и даже ступеньками у дверей и двумя окошками. Он стоял недалеко от потухающего костра, около которого никого теперь не было. Но плотовщики были где-то близко, в воздухе разносились их голоса и смех. Я стала обходить дом и сначала увидела сзади дома рыбацьи сети, висевшие для просушки на столбах с перекладинами, а за ними на брёвнах плота лежали перевёрнутые лодки. За лодками был уже близок и конец нашего плота, соединённого тросами со следующим плотом, а за ним был и ещё плот, а может быть и не один. Мне дальше уже трудно было это определить.

Недалеко от восточной стены дома под широким навесом стоял стол, окружённый со всех сторон скамьями. И на них сидело несколько мужиков. Перед ними на столе стоял котёл от

костра. Они обедали. Я не стала им мешать и повернула обратно. Около нашей брезентовой палатки слышала хныканье брата, ещё не спит, мама занята им, а я свободна, и можно продолжить своё путешествие.

Наш плот оказался не очень-то уж и длинным, после своей палатки я быстро подошла к его началу. На самом краю стоял сколоченный из досок туалет. Он был устроен с расчётом, что его содержимое сразу попадало в воду между двумя плотами. Нас с ним познакомили, как только мы ступили на плот. Я уже видела, что все брёвна плота были прочно связаны металлическим тросом по концам. А тут обратила внимание, что первое бревно нашего плота в самой середине обвязано двумя рядами троса и соединено метрах в пяти с первым бревном следующего плота, слегка покачивающегося на воде.

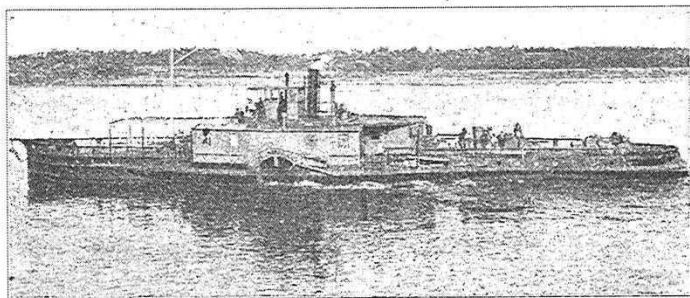
Получалось, что тот плот тянул наш за собой. А сколько же впереди плотов и кто их тянет или сами плывут? Это было очень интересно мне знать. И захотелось пройти на соседний плот. Всего-то через водное пространство нужно было сделать два-три шага по тросу и окажешься на следующем плоту. Что я и сделала.

Страшно было сделать второй и третий шаги над речной глубиной, а потом оставалось только шагнуть на бревно другого плота. Это акробатическое хождение по тросу стало даже завораживать. Я казалась самой себе такой храброй, прямо героем. Потом меня разбирало и любопытство, когда же кончатся все плоты, сколько их и что там впереди.

Шагая по тросу над водой, я старалась не думать, какая здесь глубина, если вдруг поскользнусь и буль-буль уйду в реку. На всех плотях, что я прошла после нашего, не было ни домов, ни палаток, ни людей. Я была тут совершенно одна среди широченной водной стихии, обдуваемая встречным ветром. Это пьянило, а страха не было. Тут же под ногами была твёрдая, не качающаяся основа, не то что в лодке. Это, конечно, не считая тех нескольких шагов, что приходилось пройти по тросу. И волны захлёстывали иногда только крепко связанные концы брёвен. Не больше.

С каким-то, откуда-то взявшимся азартом я прошла все последующие плоты.

Приближаясь к самому первому, увидела, удивившись, что все плоты тянет за собой маленький буксирный колёсный пароходик. А я-то думала, что они плывут сами по себе. Но тут же сообразила, что без тяги и управления они могли бы сбиться с течения и уткнуться в берег.

Буксирный пароход

Балдея от восторга, стояла я на еловых брёвнах первого плота, стараясь охватить взглядом огромный простор: всю широченную реку до горизонта, обрамлённую зеленеющими с уже небольшой желтинкой берегами. Задержалась тут и понаблюдать за работавшими шумными колёсами буксирного пароходика, вспенивающими воду. А заметив сгущающиеся тучи, заторопилась идти обратно к нашей спасительной брезентовой палатке.

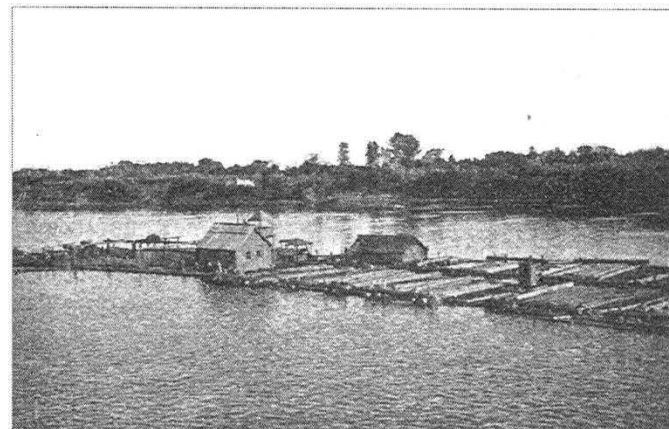
Развернувшись идти обратно, никак не могла вспомнить, через сколько же прошла плотов. Когда шла сюда, несколько раз сбивалась со счёта. Решила считать заново. Шла и для верности загибала по пальцу, пройдя очередной плот.

Теперь, когда пришлось вторично проходить через водные прорехи между плотами, стало почему-то страшнее. Уже не было эйфории первооткрывателя, когда летела как на крыльях, и всё было нипочём. Сказывалась, по-видимому, и усталость – быть всё время в напряжении при переходах по тросу. Теперь я начала думать об этих страшящих меня переходах по тросу ещё загоя. А тут ещё один плот вдруг налетел на передний, когда я проходила по тросу, и зажало мою ногу между двумя брёвнами.

И только когда зажало ногу, до меня дошло, как опасно то, что затеяла. Ведь я совершенно одна. Вокруг только вода да брёвна до самого горизонта. Кричи, не кричи – никто не услышит. До буксира хоть ещё не совсем далеко, да за шумными колёсами не будет слышен мой крик. А небо всё больше заволакивалось тучами. Пойдёт дождь, я без прикрытия вымокну до нитки. И хорошо б ещё не гроза.

Надеяться сейчас можно только на себя. Изловчившись и резко дёрнув, силу видать придал страх, я наконец вытащила ногу. Да и плоты стали расходиться. Видать из-за этого-то я и смогла вытащить ногу. Переходя с плота на плот, я несколько раз то одной, то другой ногой чуть не соскользнула с троса. Видно, уже совсем устала от бесконечного напряжения да торопилась, чтобы успеть прийти к своей палатке до дождя. И нещадно ругала себя, что так далеко ушла от своего плота.

Стало так одиноко и боязно, что хотелось крикнуть, чтобы кто-нибудь подошёл ко мне и помог идти дальше. И вместе с тем стыдно было кричать. Когда осталось преодолеть два или три плота, я услышала истошный мамин крик. И вскоре увидела, что мне навстречу бежит один из плотовщиков. Нагнал он меня перед моим переходом по тросу через водную прореху. Бросив мне конец верёвки, он приказал обмотать его вокруг талии и застегнуть на застёжку, и только потом переходить через воду по тросу.

Плоты

Когда мы шли уже по нашему плоту, он сказал, что мама хватилась меня первая, нигде не найдя. И они не сразу поняли, что я далеко ушла, а подумали, что оступилась и свалилась в воду. Хотели уж нырять в реку и проверить, не затянуло ли девчонку под плот. Но тут разглядели меня на других плотях. Потом он строго наказал, чтобы больше никуда от своей палатки не сигала, а то они быстро ссадят нас на ближайшей же пристани.

Я, конечно, промолчала, что дошла до буксира и что еле вытащила из брёвен ногу. Боялась, что, узнав это, могут действительно сразу ссадить нас на берег. Мама встретила меня сложенным вдвое полотенцем, и стегая им по заднице, приговаривала, что чуть с ума не сошла, не найдя меня на плоту. Раньше думала, что я уж достаточно взрослая и на меня можно положиться.

– А ты такое вытворяешь! – С возмущением говорила она, стараясь удержать меня вырывающуюся от наказания и продолжая в сердцах хлестать полотенцем. – Ведь, что случись и плавать-то совершенно не умеешь. Разве можно было так далеко уходить. Мало ли что могло случиться. У нас не прочный асфальт под ногами, а непредсказуемая своевольная река. Я же с детства Волгу знаю и помню случаи, когда она плоты разбивала и раскидывала. А ты кинулась сломя голову, не умея плавать, прыгать по брёвнам.

Следующий день был солнечным и тёплым. Быстро подсохли мокрые брёвна плота после ночного дождя. Мама попросила, чтобы я пришила заплатку к прохудившемуся мешочку для крупы. Видимо, старалась этим удержать меня на месте. Я уютно устроилась на скамеечке у палатки, с удовольствием вдыхая сосновый аромат брёвен, смешанный с дымком от костра, и выполняла задание мамы. Потребовались ножницы, лежавшие на бревне плота. Потянувшись за ними, я свалилась с накренившейся скамейки и распласталась на плоту. А падая, толкнула ножницы. Они скользнули с бревна и, тихо булькнув, провалились в воду через щель между брёвен. Мать дала мне подзатыльник за потерю ножниц, всё ещё сердитая на меня за вчерашнее и, отобрав шитьё, послала к костру за кипятком для обеда.

Когда мы уже заканчивали свой обед, к нам в палатку просунул голову один из плотовщиков и посоветовал собирать свои вещи, сказав, что уже скоро проплывём Алексеевское, а там близко и наше Балаково. Мама встрепенулась:

– Из Алексеевского, когда я ещё девчонкой была, мы яблоки привозили. Там много садов и очень вкусные яблоки. Это село от нас всего в 30 км.

– Там и теперь много яблок, – подтвердил плотовщик, – даже к нам на плот причаливают лодки с яблоками и предлагают купить. Совсем скоро яблочный спас, могут и сейчас привезти нам яблок на плот.

А я ещё в поезде вычитала в маминой книге «Поволжье», что после Алексеевской начинаются меловые горы, под названием «девичьи горы», и тянутся до Вольска. Легенды, связанные с этим названием, говорят то о «девушке Палагеюшке», бросившей свою семью и вступившей в разбойничью шайку, то о сёстрах-девственницах, не знавших пощады для своих жертв. Если одна из сестёр хотела пощадить кого-нибудь из добрых молодцев и стать его женой, то сёстры сбрасывали её с крутого берега в воду.

Мне захотелось увидеть эти горы. Быстро сунув свои вещи в рюкзак, я выскочила из палатки. Как и сказал плотовщик, по реке к нашему плоту плыло несколько лодок, гружённых красными яблоками. Когда они приблизились, стало хорошо видно, что красивые крупные яблоки наложены в вёдра. Забыв про меловые горы, я влетела в палатку:

– Мама, уже лодки с яблоками приближаются. Давай купи! Они такие красивые! Мама на это не среагировала, сказав, что только ещё яблок нам и не хватает. Не знаю, как основные-то вещи мы доставим до дому, придётся оставлять их в камере хранения на пристани, и то если она теперь ещё работает, ведь пароходы не ходят. А ты тут ещё с яблоками. Нас встречать никто не будет. Последнюю телеграмму я давала, что сидеть нам неизвестно сколько в Сызрани. А с плота ведь не дашь телеграммы.

Но всё-таки мама вышла из палатки. И я за ней. А на плоту в это время шла во всю торговля яблоками. Все плотовщики сгрудились у края плота, к которому причаливали лодки с яблоками, покупали их вёдрами и ссыпали в мешки. Я опять стала канючить: «Купи, да купи». Мама стала вразумлять меня, что продают только вёдрами, а у нас нет места на целое ведро яблок. Услышав мамину отповедь, один из продавцов сказал, что у него есть совсем маленькое ведёрко и поднял в руке почти детское ведёрко с выглядывавшими из него красными красивыми яблоками.

Тут мама сдалась и протянула мне мешочек, что я до обеда починала. В него я и высыпала из ведёрочка яблоки и положила их в свой рюкзачок. А тут уже по берегу пошли девичьи горы. Они были совсем и не белые. А я-то думала, что они будут как мел у школьной доски, так я их себе представляла. Только местами в них белел мел. Особенно там, где в горах были выемки, похожие на пещеры. Тянулись эти горы по берегу долго. Я сидела на скамеечке, ела яблоко и всё ждала, когда же они кончатся. Уже надоело на них смотреть. Вот они стали покрываться лёгкой голубоватой дымкой сумерек, но всё тянулись и тянулись.

Тут к нашей палатке подошли двое плотовщиков, стали выносить вещи и складывать их в уже спущенную на воду лодку. Потом и мы стали садиться в лодку. Братишка завопил, когда его отняли от мамы, чтобы она могла спокойно сесть в лодку. Когда его протянули ей, он тут же замолчал на её руках. Я сказала, что мне не надо помогать и, скользнув с брёвен плота, прыгнула прямо в лодку. Плотовщики засмеялись, сказав, что хорошо наловчилась вчера, прыгая с плота на плот.

Когда наша лодка, рассекая уже потемневшую в сумерки волжскую воду, двигалась к пристани, на берегу далеко за пристанью стали среди темноты вспыхивать один за одним огоньки, такие приятные в темноте. И мы ещё не доплыли до пристани, когда уже вся тёмная даль города Балакова засветилась в огнях. Я не выдержала и закричала:

– Нельзя так много освещения, ведь идёт война и нужна светомаскировка!

Гребец нашей лодки засмеялся от моего вскрика и сказал:

– Ты права, девочка, идёт война, и не дай-то бог, чтобы она сюда докатилась. Здесь нет бомбёжек. Немчура сюда на бомбардировщиках не залетает. Поэтому и не нужна светомаскировка.

Пристань встретила нас тишиной и темнотой, хотя тут и не нужна светомаскировка.

– Эй! Кто-нибудь есть? – стал вопрошать наш гребец, когда лодка вплотную встала у пристани, но остался без ответа. Он ругнулся, вылез из лодки на пристань и закрепив лодку, чтобы не отошла от дебаркадера пристани, стал выгружать наши вещи. Потом помог и нам подняться на пристань.

Прежде чем отплыть, он обошёл пристань, сказав маме:

– Не беспокойтесь, тут должен быть дежурный, просто он отошёл куда-то ненадолго. Подойдёт.

Прощавшись и пожелав нам всего хорошего, он отплыл от пристани. В тишине долго ещё были слышны всплески воды под вёслами его лодки. Потом и всплески затихли. И мы остались совершенно одни со своими вещами на тёмной пристани.

– Надо только подождать, дежурный придёт, – как бы себе в утешение произнесла мама и, взяв захныкавшего братишку на руки, села на имевшуюся тут одинокую скамью у стены. Мне не хотелось сидеть, я и так сегодня целый день сидела. Взошла луна, немного посветлело. И я решила познакомиться с пристанью. У пристани не было никаких дверей. Это был просто навес под крышей, но с боковыми стенами. Машины прямо с дороги могли беспрепятственно въехать через широкий проём сразу на платформу пристани. Я подошла к этому проёму и посмотрела на пустынную дорогу, поднимавшуюся вверх по косогору сразу за пристанью.

– Не смей никуда отходить от пристани, – услышала я строгий голос мамы. Я отошла от проёма и увидела у боковой стены, противоположной той, где сидела мама, две двери и окно. Занавеска на окне была отдёргнута, как бы приглашая заглянуть в него. И я заглянула. Но ничего сначала не увидела, кроме большого тёмного пятна справа. Тут луна заглянула в широкий проём с

улицы и я различила за окном справа диван и на нём тёмную фигуру человека. От неожиданности своего открытия я громко крикнула от окна:

– Мама, а на диване тут кто-то спит. – Фигура пошевелилась, разбуженная видимо моим криком. – Ой! Он уже пошевелился, – так же громко заорала я и отскочив от окна, села рядом с мамой на скамью. Вдруг как по мановению волшебной палочки в зале пристани, если так можно назвать помещение со сквозными во всю стену проёмами на улицу и на реку, зажёгся свет. Потом открылась форточка в окне, из неё высунулась сонная мужская голова и спросила:

– Вы откуда тут взялись? – Вопрос был резонный. Пароходы не ходят, а пассажиры откуда-то вдруг появились с кучей вещей, да ещё и поздним вечером. Мама ответила вопросом:

– А вы случайно не дежурный?

– Да, дежурный, а что вы хотите от меня?

– Я хочу сдать в вашу камеру хранения вещи.

– Милочка! Камера хранения больше месяца не работает, так как пассажирского движения сейчас по Волге нет. Кстати, как вы попали на пристань? Мама встала со скамьи и подошла к окну:

– А что же нам теперь делать? Не могу же я с детьми и всеми вещами идти сейчас в город. Мы приплыли со сплавляющимся лесом из Сызрани. К пристани нас плотовщики подвезли на лодках. Тут заплакал оставленный на скамье брат, и мама вернулась к нему. А я продолжила за маму:

– Мы из Москвы сюда уже больше десяти дней едем, и уже спать хотим, – и я зевнула во весь рот. Форточка закрылась, занавеска задёрнулась, но через несколько минут задёргался ключ в двери. И из неё вышел дежурный в форменной одежде речника, даже кепку надел на голову. Он подошёл к маме, державшей на руках брата:

– Что мне с вами делать, прямо не знаю. Несколько часов назад уже была тут из города машина. На завтрашнюю баржу в Саратов грузы привозила. И почта тоже уже свои письма привезла. Больше сегодня никакой оказии из города не ожидается.

А вещи вы можете в моей дежурке оставить. Но как вы в такое позднее время в город пойдёте, да ещё с детьми?

Я стояла поодаль от мамы и дежурного, и вдруг мне послышалось, что где-то далеко едет машина. Сначала я подумала, что просто мне это мерещится оттого, что очень уж не хочется идти в город в темень пешком. А взрослые продолжали что-то говорить и не отреагировали на этот звук. Но всё-таки я отошла поближе к дороге и стала прислушиваться. Всё было тихо. Но вскоре опять послышалось фырчание машины. Теперь оно было уже слышнее. Я кинулась к маме с криком: машина сюда едет!

И действительно вскоре на дороге показалась грузовая полуторка, которая привезла дополнительный груз на завтрашнюю баржу. Долго уговаривать шофёра не потребовалось. И после освобождения машины от привезенного груза в кузов стали грузить наши вещи. Активно в этом участвовал и сам дежурный. Мы втроём еле поместились в кабину полуторки. Маме пришлось нас обоих посадить к себе на колени, как ни возмущался мой братец. Меньше чем за полчаса мы уже доехали до дома бабушки. Так закончилась наконец наша двухнедельная дорога до места эвакуации.

ЖИЗНЬ В ЭВАКУАЦИИ

Почти всю войну мы: мама, я и братишка Женя прожили в эвакуации в маленьком городке Балакове Саратовской области, расположенном на левом берегу Волги. До революции это было большое богатое село, основанное старообрядцами по выходу их из Польши по манифесту 1782 года. По нашему приезду в городе работали механический и судоремонтный заводы. Имелись две махорочных фабрики, мельницы, хорошо оборудованный затон, где зимуют и ремонтируются суда Волжского пароходства.

Прибыли мы в Балаково на плотках по Волге из Сызрани 5 сентября 1941 года.

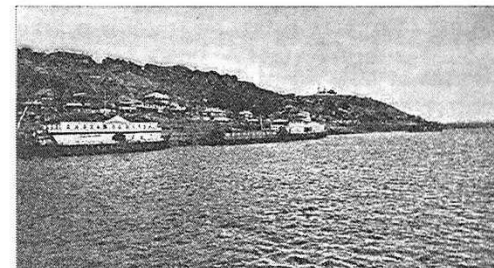
И вначале жили в собственном доме бабушки почти на берегу речки Балаковки, притока Волги. С бабушкой тогда жили две дочери, мамины сестры. Оля с дочкой Леной, моей ровесницей, жила непосредственно с бабушкой, на её половине дома. А через коридор жила старшая сестра Нина, занимая две комнаты.

Она и пригласила нас к себе, отдав нам одну из своих комнат. А во второй жила сама тётя Нина с двумя сыновьями и дочерью. Один из моих братьев, Боря, был старше меня почти на два, а Коля на все 4 года. Самой младшей Рите шёл тогда всего четвёртый год. Она ходила в детский сад.

Боря и Коля Решетниковы, 1938 г.

Меня по приезду сразу оформили в начальную школу в четвёртый класс. А брата отдали в детский сад. После школы я забирала Женю и сестричку Риту из садика, и мы были на попечении бабушки до прихода с работы тёти Нины. Мама же почти по приезду уехала на лесозаготовку на пустынный остров, покрытый лесом, чтобы обеспечить нас дровами на зиму. Там ей, хрупкой женщине пришлось наравне с мужчинами, так как их осталось мало, большинство взял фронт, валить деревья и распиливать их на кругляки.

Волга

Поздней осенью, вернувшись с лесозаготовок, мама пошла работать на механический завод. Сначала работала несколько месяцев подсобницей в подсобном хозяйстве завода, потом была переведена в отдел снабжения завода секретарём-машинисткой. А в выходные дни пропадала на рынке, стараясь обменять что-то из вещей на продукты, так как к тому времени закончились уже наши припасы из мешка со свининой, захваченного ещё из Москвы. В магазинах же, кроме хлеба, соли, спичек и мыла, ничего не было. Да вскоре и хлеб стал выдаваться по карточкам.

В первые месяцы войны ещё возможны были хорошие обмены вещей на продукты. В Балакове тогда было много частных домов, где держали скотину и имели большой огород. В семи же километрах от города на противоположном берегу Волги в большом и богатом колхозном селе «Широкий Буерак» неплохо оплачивались трудодни колхозников зерном. У них было и несколько мельниц для размола зерна. И у всех там была скотина. Поэтому Балаковский рынок изобилует мукой, крупами, молочными продуктами, мясом и овощами.

А вот «городской», как там говорили, одежды и обуви было мало. Поэтому жители села охотно обменивали продукты на вещи из Москвы. Так маме за зимнюю детскую шапочку, которая стала мала Жене, дали несколько десятков яиц. Мама, чтобы

их сохранить, а холодильников-то тогда и в помине не было, положила их в таз, пересыпав опилками, и задвинула тазик под кровать.

Однако Женя как-то в выходной день, обделённый вниманием старших братьев и сестёр, играя сам с собой, залез под ту кровать, где были яйца. И в восторге стал кричать нам, стараясь обратить на себя внимание:

– А я в собачьей будке сижу! Гав! Гав! Я собачка! – Тут в комнату вошла мама, и услышав его крики из под кровати, где лежали драгоценные яйца, закричала, чтобы он немедленно вылез из под кровати. А мой братец ей в ответ:

– А мне тут очень хорошо в тазике, как в собачьей будке. Мама быстро нагнулась и вывезла из-под кровати таз вместе с моим братцем. Когда его подняли из таза, то штаны на его заднице были в раздавленных яйцах, смешанных с намокшими опилками. Увидев такое, находившиеся в комнате братья, Лена и я ахнули, но не удержались и от смеха.

Мама же, молча переодев ему штаны, быстро ушла из комнаты. Ей было не до смеха. Обмену шапочки на дорогие тогда яйца на рынке она очень обрадовалась. Её месячной зарплаты 290 рублей не хватило бы, чтобы купить те сорок яиц. А в результате не осталось ни одного целого яйца. Придя на бабушкину половину дома, мама расплакалась. Долго её тогда успокаивали.

Первая зима в Балакове

В начале зимы 1941–42 года в Балаково эвакуировали завод вместе с рабочими и их семьями из блокадного Ленинграда. Они тяжело выбирались оттуда обходным путём по ледовой дороге через Ладогу. Ленинградский завод объединили с Балаковским механическим заводом. После объединения он стал называться «государственный завод № 661». И после недолгой реконструкции, встав на военный режим, стал удовлетворять нужды фронта, работая круглосуточно. Продукция завода была засекречена. А в городе поговаривали, что завод выпускает снаряды и винтовки.

Население города после приезда ленинградцев резко возросло. Желających обменять свои пожитки на продукты увеличилось в десятки раз. Ближе к весне колхозники большого хлебного села Широкий Буерак, уже понабравшись вещей в обмен на продовольствие, да и основательно поистратив свои запасы, значительно повысили цены на продукты. И предлагаемые к обмену вещи сильно обесценились.

Запасы зерна в стране от урожая 1941 и (проектируемые) 1942 года были много меньше в сравнении с довоенными годами из-за большой потери «хлебных» полей, которые были под войной или уже оккупированы фашистами. Для более рационального использования уменьшенных резервов зерна в начале 1942 года были введены повсеместно в стране карточки на хлеб, крупы и макаронные изделия. В Балакове отоваривались в магазинах только карточки на хлеб.

Так, на детскую карточку ежедневно полагалось 400, а на иждивенческую 300 грамм хлеба. Я уже относилась к иждивенцам вместе со стариками и домохозяйками. Мама, как служащая, получала 400 грамм хлеба. Мои двоюродные братья, Коля и Боря, чтобы получать больше хлеба, да и обед в столовой, бросили школу и, окончив ФЗО, стали рабочими. Один из них работал на 661 заводе, а другой на судоремонтном. Они получали как рабочие на карточку по 600 грамм хлеба в день.

А хлеб стал тяжёлым и очень влажным. Куда-то делось умение хлебопёков печь хороший хлеб. А первое время, как мы приехали, эта же пекарня пекла прекрасные калачи, высокие, пышные. И если придавишь кулич рукой, то он тут же точно на пружинах выпрямлялся. Поговаривали, что в теперешний хлеб добавляли ячменной муки и картофель, поэтому-то он и стал таким клёклым и тяжёлым. Но мы и такой хлеб ели с радостью, только огорчались, что он очень быстро тает во рту. Не имея ещё огорода, у нас не было в запасе ни картошки, ни других овощей. И хлеб был единственной нашей пищей, на которую мы могли рассчитывать и ежедневно получать.

Как-то зимой подходя к дому, я увидела на дороге около следов от конных саней кучу рассыпанной подмёрзшей картошки. Обрадовавшись такой находке, я кинулась бегом домой за тарой. У тётки Нины тоже тогда не было огорода, и не было картошки. На рынке она была уже дорогая, нам не по карману. Поэтому мы с братьями похватили корзинки и ведро и ринулись за картошкой, пока её никто не подобрал.

Мы собрали её всю до последней картошины. И тут же устроили праздник, наварив большую кастрюлю картошки. Мороженая картошка была сладковатой и казалась мне вкуснее пирожных, которые я ела только в той, другой жизни, до войны. Тогда у всех с началом войны жизнь чётко разделилась надвое. О том, что было до войны, говорили «в той жизни», а военное время называли «теперь».

Вскоре, когда ещё не доели мороженую картошку, ребята принесли домой подстреленных из рогаток двух ворон. Ободрали их от перьев, выпустили кишки и сварили из них с той картошкой суп. Он почему-то был синеватый, без единой жиринки, и непонятно чем пах. Но с голодухи мы его всё же съели.

Мама очень переживала, что мы долго занимаем комнату тётки Нины, видя как тесно её семье вчетвером во второй комнате. Ребята за год с нашего приезда подросли. Боря был широкоплечим, рослым парнем, хотя ему не исполнилось ещё 14 лет. А старшему

Коле, хотя и шёл уже 16-й год, но он по телосложению и росту значительно уступал Борису. Да ещё братья, что-то не поделив между собой, могли поссорившись и подражаться.

Помню, как-то в выходной день вдруг в соседней комнате что-то с грохотом падает и тут же раздаётся истошный Ритушин крик, а взрослых в это время не было дома. Я вбегаю к ним и вижу: Рита сидит на горшке на полу у кровати, а два братца, сцепившись, бутузят друг друга, всё подвигаясь в её сторону.

Рита, 1951 г.

Я кричу:

– Осторожнее, не свалите и не задавите ребёнка с горшком. А они ноль внимания на мои слова. Только себя видят и слышат, и продолжают колотить друг друга.

Громкий визг Риты услышала бабушка через стену. Тут же она прибежала к нам и, схватив с пола поваленную на бок табуретку, подняла её на своих старческих вытянутых руках и ринулась ею разнимать дерущихся братьев. Вскоре бабушке удалось прекратить драку. И сердито глядя на тяжело дышащих, раскрасневшихся, взлохмаченных и расцарапанных братьев, она внушала:

– Как вам не стыдно! Родные вы ведь братья, а не чужие люди, чтобы так не жалеть друг друга! Посмотрите на себя в зеркало, на кого вы оба похожи! Какой пример подаёте сестрёнке! Чего не поделили? – Насупившись, братья стояли друг против друга и молчали.

Видимо, причина выеденного яйца не стоила. Стыдно было о ней даже и говорить. Вот и молчали.

В другой раз братья делили при мне принесённый хлеб из магазина. По-видимому, кто-то один из них ходил и взял хлеб одним весом по обеим карточкам. Услышав крики, я поспешила в их комнату. Смотрю, на столе стоят магазинные весы с двумя чашами и утиными клювами, показывающими равновесие обеих чаш. Борька пальцами уравнивал клювы, и, не отнимая руки, кричал:

– Ровно! – А на каждой из чаш лежало по четвертинке от буханки хлеба. Коля безуспешно старался убрать руку брата с весов, но не мог сладить с более сильным, хотя и младшим братом. И тогда он закричал:

– Убери же руку, не держи, пусть сами весы покажут! – Когда Борис, наконец, снял с весов руку, то один клюв и соответствующая ему чаша весов немного поднялась над другой.

– Вот! – закричал Колька, – себе больше прибавил, отрезай кусок! Тот не соглашался:

– Я сегодня в длинной очереди стоял и заработал этот до-весок!

Борис, Ташкент 1955 г.

– А я вчера в длинной очереди стоял, а разделили поровну! Это не честно! Отрезай кусок!

Я давно заметила, что задиристый Борька так и старался всегда облапошить старшего брата, а тот естественно возмущался этому, а сладить-то с ним не мог. Так и рождались сначала крики, а потом и потасовки. В конце концов, нарезав гору довесков, они, наконец, поровну разделили хлеб и успокоившись стали уплетать свои довески. Пона-

блюдав несколько раз за этими дележами, я спросила тогда Колю:

– Зачем вы вместе берёте хлеб? Брал бы каждый отдельно, и не было бы никаких споров.

– Я не согласен каждый день стоять в очередях. Пусть уж лучше так.

Как-то я рассказала маме о спорах братьев. А мама мне сказала, что может скоро нам дадут комнату. Она подала заявление в завком с просьбой предоставить ей жильё. Обещали вскоре рассматривать жилищные вопросы. «Если дадут нам отдельную комнату, то не будем больше стеснять Нину, и братья успокоятся. Им будет больше простора, смогут разбежаться в разные комнаты», – так рассудила мама.

Жилищные неувязки на заводе возникли в связи с резким увеличением численности рабочих после приезда ленинградцев. Поэтому стали перекраивать квартиры в принадлежащих заводу домах в целях увеличения жилой площади для размещения приезжих. А заводскими двух- и трёхэтажными домами был застроен целый квартал в городе недалеко от завода.

Первая весна и лето в Балакове

Весной 1942 года в магазине появился в продаже недорогой зелёный лук. Правда, за ним были огромные очереди. Часто, выстояв очередь, я оставалась без лука. Весь уже был распро-

дан до подхода моей очереди. Иногда мне выпадала удача, и я несла домой пучок лука. Мама делала из него с размоченным хлебом на подсоленной кипячёной воде и нескольких каплях подсолнечного масла вкусную мурцовку, как называла её она.

Вообще с наступлением весны мы с братьями перешли на подножный корм. Потому что всё время хотелось есть. То, чем нас кормили матери, было явно недостаточным. Особенно братья это чувствовали в выходные дни, когда у них не было обеда в заводской столовой. Рвали стебли дикого чеснока и лука. Мама из них как из покупного лука делала мурцовку. Научили ребята меня поедать головки лугового клевера и высасывать муравьёв, добывая их, сунув палку в муравьиную кучу. Жевали мы и молодые листья с деревьев и кустов, если они не горчили. И так немного утоляли голод, набив желудки травой, когда до ужина ещё было далеко.

Анжела, 1947 г.

Лена, 1946 г.

С Леной мы ходили по грибы в Канинский лесок. Надолго мне запомнилась дорога в это Канино. Нужно было переходить плотину в затоне. А в половодье плотина была почти затоплена. Мы с Леной шли по железобетонному брусу, ещё видневшемуся над водой, цепляясь руками за брусок, стоящий выше, и старались не глядеть вниз на полноводную реку, в этом месте глубокую, чтобы не закружилась голова.

А летом я слегла в постель, заболев малярией. Видно, накусили меня малярийные комары в наших походах на природу. Трепала меня малярийная лихорадка долго. Те места низкого берега Волги до постройки Саратовской ГЭС испокон веку считались малярийными.

Братья и Лена не заболели, так как, живя там с рождения и переболев в своё время, были уже устойчивыми к этой заразе.

А меня тогда малярия потрепала порядком.

Бабушка меня лечила горьким настоем полыни. Её надо было пить по несколько раз в день по целому стакану. Принеся стакан, до краёв наполненный зелёным настоем, бабушка стояла у моей постели до тех пор, пока я не выпью эту отвратительную горечь. Стояла она и приговаривала:

– Пей до дна. Всех ребят я вылечила от малярии этой полынью.

Однако моя малярия полыни не испугалась. Сначала эти приступы с температурой до 39 были у меня через 4 дня, а вскоре, невзирая на полынь, становились всё чаще и чаще. Приступы начинались с озноба. Меня всю трясло, как от сильного холода, и сколько бы одеял я на себя ни накручивала со всех кроватей, теплее не становилось. А потом вдруг становилось жарко, и я начинала сбрасывать одеяло за одеялом.

Когда я лежала с приступом, ко мне часто приходила Лена, помогая укрыться потеплее, когда меня трясло, и освобождая от одеял, когда становилось жарко. И делала мне холодные примочки на лоб. Однажды она принесла мне большой кусок арбуза на тарелке. Я очень любила арбуз, но пока не кончился приступ, даже глядеть на него мне было холодно. Лена в своё время переболела уже малярией, была знатоком в этой болезни и в утешение мне говорила:

– Успокойся, скоро тебя перестанет уже трясти. Да и жар долго не продержится, и к вечеру приступ кончится, и будешь совсем здоровой.

Несмотря на то что я пила полынь под неукоснительным надзором бабушки, приступы в конце концов стали почти каждый день. И температура поднималась до 40 с лишним градусов.

Я испугалась, зная, что смерть наступает уже при 42 градусах. И поняв, что полынь не помогает, пошла, чуть ли не держась за стенку, в поликлинику. Врач прописал мне акрихин. И приступы постепенно стали урезаться, а к концу лета и совсем малярия меня оставила. И качаясь от слабости, я поднялась с постели.

Теперь после болезни я живо стала интересоваться всем, что вокруг. Самой главной и страшной вестью для меня было, что немцы подошли уже почти к Волге. Вот тебе и на. Мы так старались уйти подальше от этой войны, что бежали от неё в скотских вагонах и плыли на недозволенных для пассажиров плотах. А она опять нас нагоняет. От Балакова до Сталинграда чуть больше пятисот километров. Раньше никогда не читавшая газет, кроме Пионерской правды, теперь я с нетерпением ждала выхода очередного номера выписанной тётей Олей местной Балаковской газеты.

И сразу искала в ней, где там написано про героическую оборону Сталинграда от рвущихся к городу фашистов. Тогда у взрослых и у детей был единый страх: неужели немцы смогут прорваться к Волге в самое сердце нашей страны? Нет! Не допустит наша Красная Армия, мы все не допустим этого! Про себя я думала, что готова сколько надо голодать, и пусть уменьшают хлеб по карточкам, но чтобы у Красной Армии всё было в достатке.

В пионерском лагере

Было уже в порядке вещей, что мама ежедневно приходит домой поздно. Рабочий день на заводе удлинён до 12 часов. Но однажды мама пришла домой в обед, и не усталой и грустной, как почти всегда, а оживлённой, даже весёлой и говорит:

– А ну! Попляши-ка, дочка! У меня для тебя есть хороший подарок!

Я стою в недоумении. Какой может быть хороший подарок в войну, когда всё по карточкам, которые отовариваются только хлебом, ни макароны, ни крупы мы и в глаза не видели. А с маминой маленькой зарплаты она и на рынке ничего не может купить.

– А ну пляши, пляши! – Смеётся мама. – А то мне убегать пора.

Я подрыгала немного ногами. И мама вручила мне путёвку в пионерский лагерь на 20 дней. Это было так здорово, что я даже и не поверила. Но на путёвке стояла настоящая заводская печать. Это не сон. И дата стояла. Уже через день начало путёвки. Я кинулась маме на шею. Мама прибежала так срочно в обед, так как сегодня же я должна была пройти медицинскую комиссию. Без этого в лагерь не брали.

Этот лагерь принадлежал заводу. Недалеко от подсобного хозяйства бывший механический завод имел небольшую территорию на речке Каменке, где ежегодно до войны летом отдыхали дети рабочих и служащих завода. К чести уже нового завода, что и в трудные годы войны они сумели сохранить пионерский лагерь. Конечно, большую поддержку в этом оказывало подсобное хозяйство. На его территории был разбит сад. Имелись помещения для животных, где содержалось немного коров и свиней. Большие территории были под картошкой и другими овощами. С помощью подсобного хозяйства возможна была и круглогодичная работа столовой при заводе во время войны.

После малярии, сильно ослабившей меня, лагерь был очень кстати. Дома же, кроме 300 грамм хлеба по карточкам и воды, есть было нечего. А надеяться на то, что может что-нибудь удастся обменять из вещей на рынке, было очень ненадёжно. Иногда совершенно ничего не обменивалось неделями, а есть-то хочется каждый день и не один раз. Брата всё-таки кормили три раза в садике, мама обедала в заводской столовой. И часто вечером, когда дома нечего было есть, свой хлеб она делила между мной и братом, говоря, что она не хочет есть.

В пионерском лагере вроде бы кормили нормально три раза в день. Но толи я очень отошала за время болезни, то ли порции еды были небольшими (добавок не давали), то ли еда была не калорийная, но я еле доживала до обеда. И не только я. Ещё за полчаса до назначенного времени уже много детей толклись около столовой. То же было и перед ужином. Короче говоря, мы

целый день только и думали о еде, хотя нас там всё время чем-то занимали. Мы ходили в походы. Занимались в разных кружках по интересам, но желудок всё время напоминал о себе. В выходные дни ко многим детям приезжали родители и привозили продовольственное подкрепление. Маму я и не ждала. Да и что она могла мне привезти? Разве, что свои 400 грамм хлеба.

Где-то в середине срока пребывания в лагере я узнала, что немного подкормиться можно на кухне. Там кормили за оказанную им помощь. Но из желающих оказать помощь кухне была целая очередь. Я подружилась с соседкой по кровати в спальне. И мы с ней по той очереди попали в кухню только почти к концу нашего пребывания в лагере. Нам поручили почистить картошку. Мы довольно быстро справились с этой задачей. Есть-то уж очень хотелось.

За свою работу мы получили по полной суповой миске с краями молочной сладкой манной каши. Это было целое богатство. Супа-то нам ежедневно в этих мисках давали только по половинке. А тут целая миска этой вкусной каши. На кухне нас не оставили, и мы с драгоценной кашей ушли за кухню в кусты, усевшись на валявшиеся там ящики. И стали наслаждаться кашей. Ели медленно, чтобы как можно дольше растянуть удовольствие. Тогда каша казалась мне вкуснее пирожных.

Однако долго наслаждаться кашей не пришлось. Учув сладкое, нас окружили осы, которые тоже оценили эту кашу. Они лезли в миску, ложку, норовили залезть и в рот. Но к их появлению мы успели уже ополовинить свои миски. И оторвав по веточке от кустов, мы одной рукой отгоняли ос, а другой доедали кашу. Прошло немало десятков лет, но до сих пор помню, с каким огромным наслаждением я ела эту простую манную кашу. А вообще-то по нормальной жизни до войны, да и сейчас я больше люблю рисовую кашу. Но голод не тётка. После лагеря приходилось до конца войны только мечтать и вспоминать о той манной молочной и сладкой каше.

Вернулась я из лагеря хорошо подкрепившейся. До учебного года оставалось больше десяти дней. Мы тогда стали учиться с

октября месяца с учётом того, что многие школьники помогали колхозам в уборке урожая. На эту помощь, оказывается, был даже специальный приказ Наркомпроса РСФСР от 3 июля 1941 года № 525 «О привлечении в военное время учащихся неполных средних и средних школ на проведение сельскохозяйственных работ в колхозах и т.д.», о котором я узнала много позже.

Как я помогала маме нам выжить в голодное время

Приехала я из лагеря, а дома ни хлеба, ни даже картофелины, ничего нет. Наверно, в прошлые выходные маме ничего не удалось выменять на рынке или уже съели то небольшое, что выменяла. Мама ещё была на работе, брат в садике. Сходить за братом? Но он сразу, как обычно, начнёт просить есть, а что я ему дам? Вечером мама пришла с плачущим братом, который всю дорогу до дома просил у неё есть.

– Ты полдничал в садике? – спросила я.

– Да, – ответил Женя, – но очень хочу есть.

Мама принесла с собой из магазина наш хлеб по карточкам. Свои 400, мои 300 грамм и 200 грамм брата (половину хлеба с его карточки забирал детский сад). Вскипятила воду, заварила травяной чай, собранный мной ещё по весне, и поделила хлеб на две части на ужин и на утро. Мы стали макать хлеб в чай и есть. Никакого сахара, конечно, не было и в помине.

Уложив брата спать, мама стала советоваться со мной, что нам дальше делать. Как выживать. Одного хлеба по карточкам мало для поддержания жизни. Так нас надолго не хватит. Ей надо в полную силу работать, а мне учиться. Да и в детском саду, похоже, не совсем полноценно кормили, так как брат постоянно просил есть. Больше продавать было почти нечего из вещей. Да и маме некогда было этим заниматься, на заводе сейчас работали в две смены по 12 часов каждая. Мама работала всегда в дневную смену с восьми утра до восьми вечера. В выходные тоже часто работала.

Помню, у нас остались к тому времени непроданными мотки ниток мулине. Мама в Москве их покупала, чтобы обучить меня

вышиванию. И разных иголок несколько пачек купила для этого. Тогда в Москве это стоило копейки. Всё это я везла из Москвы в своём рюкзаке. И сказала маме в тот вечер, что берусь это продавать. Мама тогда махнула рукой. «Кому сейчас нужны нитки для вышивания. Не продадутся они».

Однако я решила попробовать выйти на рынок с этими нитками. Было их не меньше десяти толстых мотков и все разного цвета. У меня оставалось до начала учебного года ещё больше половины сентября. Мы начинали учиться с октября. Я решила каждый моток разделить ещё на несколько моточков. Они будут стоить тогда дешевле и скорее продадутся. Села за перемотку мотков. И дело пошло. Получилось почти с сотню маленьких моточков. Да мама как-то сходила проведать своего отца. И он подарил ей целый набор иголок разных размеров. Он делал их сам. У него был специальный небольшой станок. И на нём он их вытачивал из стальной проволоки. Когда бабушка его не приняла, он нашёл одинокую женщину и уже больше десяти лет жил с ней в её небольшом домике. Имели они козу и огород около дома. Когда мама навещала отца, то всегда что-нибудь да приносила от него, как гостинец.

Вот и набралось у меня разного товара, и я стала по утрам, пока мы ещё не учились, ходить на рынок. Поняла вскоре, что в будни ходить бесполезно, рынок пустой, одни продавцы сидят. Только в выходной ещё можно надеяться что-то продать. Но есть-то хотелось каждый день. Обычно за прилавков в торговые ряды я не вставала, так как ходила по рынку сборщица и брала за место на прилавке деньги. А так как денег у меня не было, то я расстилала коврик прямо на землю за крытым рынком. За те места денег не брали, и я раскладывала там свой не хитрый товар. Была я там не одна. В выходные дни за рынком на земле образовывались целые ряды продавцов. И называли этот рынокчик барахолкой. В будни же собиралось на барахолке всего несколько человек.

Если до обеда ничего не продавалось, то я сворачивала свой товар и шла вдоль торговых рядов на рынке, предлагая или ку-

пить или обменять что-то из моего товара на их продукты. Иногда удавалось что-то продать или обменять у продавцов, но чаще в будни я без денег и без продуктов уходила домой. Дорогой заходила в магазин и, став в очередь, покупала хлеб по всем нашим карточкам. А придя домой, отрезала себе кусочек хлеба, съедала его с водой или травяным чаем и ложилась спать, чтобы не чувствовать голода, да и от соблазна, чтобы не отрезать себе ещё кусок хлеба. Вечером за ужином, состоявшим из чая и хлеба, мы съедали половину, а вторую половину хлеба мама оставляла на утро. Если же мне удавалось продать хотя бы одну иголку или моток ниток, то я сворачивала свой товар и шла покупать стакан пшена, так как цену за единицу своего товара я приравнивала к стакану пшена. Потом, получив хлеб по карточкам, бежала домой и ставила из половины стакана пшена варить суп. Несмотря на то что он не был заправлен луком и морковкой, их просто не было у нас, а только солью, он был для меня очень вкусен. Моё мнение разделяли и пришедшие вечером домой мама с братом. А со второй половины стакана пшена варили суп на утро. Помню, в последний выходной день, перед началом учебного года, я продала сразу несколько мотков мулине и пару иголок. Я чувствовала себя богачкой. И хотелось купить что-то повкуснее. С зажатыми деньгами в руке я ходила по рынку, примеряя, что же лучше купить. Продавались буханки хлеба из расчёта 150 рублей за килограмм. Продавался подсолнечный жмых, по цене приравненный к хлебу. Но выглядел он аппетитнее хлеба. Был ароматным и блестел от остаточного не совсем выжатого из него масла.

У меня хватало денег на килограмм хлеба или жмыха. Но я прошла мимо них. Продавались готовые котлеты в горячем виде. И когда продавщица открывала крышку укутанной кастрюли, где они лежали, то так вкусно из кастрюли тянуло мясным духом, что у меня кружилась голова и полный рот набрался слюней. И уж я подумывала, не съесть ли мне одну котлетку, всего одну! Деньги-то в моём распоряжении. Мама ничего и знать не будет.

И тут же встало передо мной бледное, худое с грустными глазами лицо мамы, с очками в поллица. Она была близорукой. А физическая работа на лесозаготовках и в подсобном хозяйстве, да по 12 часов подряд за пишущей машинкой ещё больше ухудшили её зрение. Без очков она почти что ничего не видела. Нет, не могу так сделать. Если уж покупать котлеты, то всем. Но на это уйдут все мои деньги. Котлеты-то мы слопаем в один миг, а что дальше?

Теперь у меня будет каждый день школа. На рынок я смогу пойти только в следующий выходной. Нет!

Подальше от этих котлет. Мне нужно купить то, что обеспечило бы нам еду на несколько дней. Постоянная тревога, «а как там на фронте?», недоедание и стоический пример взрослых, работающих из последних сил, сделали нас детей маленькими старичками. Мы стали мыслить по-взрослому.

И на все деньги я купила несколько стаканов пшена. И ещё продавщица прибавила мне стакан пшена, взяв у меня большую дедушкину иголку. И сварила я к ужину полную кастрюлю густого супа, почти что кашу. Первый раз мы наелись тогда досыта. Даже на утро осталось. Мама меня тогда похвалила, сказав:

– Доченька, что бы без тебя, такой помощницы я бы делала!? А я и не догадывалась раньше, что ты у меня уже такая взрослая, всё понимаешь и всё тебе можно доверить.

Тепло и радостно, при всей печали нашей жизни, мне стало на душе от её слов и от сознания своей необходимости для семьи.

В следующий выходной мама опять работала, а я ещё продала несколько мотков ниток. И первое время в новую для меня среднюю школу в пятый класс я уходила пообедавши дома, мы тогда учились во вторую смену.

*Мама, Екатерина Ермолаева,
Москва 1941 г.*

Дети старших классов учились даже и в третью смену. Так были вынуждены сделать, чтобы освободить соседнее здание школы под госпиталь, а к нам перевели учеников этой школы. В открытый в школьном здании госпиталь везли на катерах, парходах и баржах по Волге раненных бойцов со Сталинградского фронта. А школьники ходили в госпиталь в свободное от школы время, чтобы в чём-то помочь раненым. Сестра Лена помогала раненым писать письма. Их школа взяла шефство над тем госпиталем. Тогда силами школьников организовывались для госпиталей и концерты художественной самодеятельности. Я участвовала в таких концертах, но позже, когда училась в 6 и 7 классах.

Как дети готовили подарки фронту

Помню, как-то в октябре 1942 года в конце урока по литературе, Лидия Ивановна, она же и классная руководительница нашего 5-А, сказала нам, что сейчас очень трудно приходится на фронте нашим доблестным красноармейцам. Вся страна, кто не может пойти на фронт, старается как-то помочь Красной Армии. Есть такие люди, которые все свои денежные сбережения посылают в армию, чтобы с помощью их сделали дополнительную пушку, пулемёт и даже танк.

У кого сбережений нет, посылают тёплые вещи для бойцов. На многих заводах и фабриках рабочие добровольно работают в свои выходные дни, не получая за них зарплату, чтобы эти дополнительные средства оказали помощь фронту. Тут она обратилась к нам:

– Я думаю, что и вы тоже захотите помочь фронту.

– Да! Очень хотим! – Закричали мы тут все разом, а мальчишки ещё и добавили:

– Пусть нам дадут винтовки! Мы пойдём на фронт убивать фрицев!

Но Лидия Ивановна сказала нам:

– Винтовки вам не дадут и не только потому, что они для вас ещё тяжёлы, но и потому, что вы не обучены ни строевой подго-

товке, ни умению обращаться с оружием. Были такие как вы, что стремились попасть на фронт и пошли, их не раз снимали с поездов и в конечном счёте они оказывались не на фронте, а в милиции.

Вот со второго полугодия вам введут новую дисциплину «Военное дело». Когда в совершенстве освоите её, а она будет продолжаться и в шестом классе, и сдадите экзамен на хорошо и отлично, то только тогда можно будет уже подумывать о фронте, но дай-то бог, чтобы война к тому времени закончилась.

А сейчас я предлагаю вам посильную для вас помощь фронту. Скоро наш большой праздник 25-я годовщина Октябрьской революции. И мы могли бы поздравить с праздником бойцов Красной Армии и послать им подарки. Разрешено школам посылать подарки для фронта. Я предлагаю к празднику для бойцов испечь печенье. В этом могут участвовать все – и девочки и мальчики. Для теста, кто что может, принесите, пожалуйста, буду рада. И делать тесто для печенья мы можем всем классом у меня дома. В посылку кроме печенья мы можем положить ещё небольшие подарочки. Например, тёплые шерстяные и простые носки, кисеты для табака, тёплые шарфы.

– А я могу и махорки принести! – Крикнул один мальчишка, – дед её выращивает.

– И я могу махорку принести! – Раздалось несколько ребячьих голосов.

И вот мы в выходной день собрались всем классом у Лидии Ивановны дома. Она сразу всем нам дала задания. Мальчишки пилили и кололи дрова и растапливали русскую печь с помощью учительницы. Я тогда впервые увидела русскую печь. Ни на бабушкиной половине дома, ни у тёти Нины русской печи не было, а только голландки.

Нам, девочкам, пока ребята возились с дровами, дали задание протереть противни для теста, подготовить стол для работы. Мы насыпали на стол целую гору муки. На верхушке сделали выемку, и в неё Лидия Ивановна вливала тёплую густую молочную смесь с жиром и сахаром. Что ещё было в этой смеси, не берусь назвать. Колдовала над ней сама Лидия Ивановна.

*Бабушка и дедушка с детьми,
снизу вверх: Нина, Лиза, Катя (мама)*

Потом девочки месили тесто, а мальчишки скалками раскатывали его во весь стол. А девочки на раскатанном тесте вырезали стаканом кружки и укладывали их на противень. И кто хотел, наносил рисунки, а потом пёрышками смазывали яйцом. Во время ожидания, чтобы прогорели дрова и можно было бы поставить противни с тестом в печь, писали бойцам от нашего класса письмо. Сначала обговаривали все фразы письма с учительницей. Потом одна девочка, у которой был красивый почерк, переписывала начисто письмо и поздравительную открытку. В письме мы писали, что обещаем учиться только на хорошо и отлично. Что со следующей четверти начнём изучать военное дело и будем учить его только на отлично. И когда хорошо научимся стрелять, то пойдём к ним на помощь.

С последней фразой учительница не хотела соглашаться. Тогда мы добавили, «если к тому времени не кончится война». А мы очень хотели, чтобы она скорее окончилась. И Лидия Ива-

новна оставила всё это предложение в письме. А ещё мы пожелали, чтобы бойцы скорей прогнали немцев с нашей земли в их Германию и живыми и здоровыми вернулись к себе домой. Всем хотелось оставить хоть одну строчку в письме своим почерком. Поэтому в конце письма, и на это ушёл целый лист, каждый написал своё имя и фамилию. Мальчишки на крышке посылки написали адрес нашей школы и наш класс 5-А. Место же для адреса, куда направлять посылку, оставили свободным. Лидия Ивановна сказала, что в военкомате лучше нас знают, где сейчас нужнее всего наша посылка. Затем открыли печь, поставили около потухающих, покрытых серым пеплом углей, подставки и на них противни с печеньем. И опять закрыли под печи заслонкой. Да и поставили в печь с краю большой чайник. А когда печенья испеклись, то пока они остывали, мы сели пить чай с несколькими бракованными печеньями. Очень они нам понравились. Лидия Ивановна принесла большой посылочный ящик и в него мы положили свои подарки. Я сшила кисет для табака и вышила на нём цветок. Несколько девочек тоже принесли мешочки-кисеты. И ребята, кто принёс махорку, разложили её по нашим кисетам. Потом на них положили тёплые носки и вареники. И сверху, завернув сначала в пергаментную бумагу, а потом в ситцевый мешочек, положили остывшие печенья. И ещё их обмотали принесёнными шарфами. И положили наше письмо.

А вечером 21 ноября дома мы все собрались у радио, ожидалось важное сообщение долгими позывными. Передали экстренное сообщение Совинформбюро. В нём говорилось, что наши войска на подступах к Сталинграду перешли в наступление в двух направлениях против немецко-фашистских войск, прорвав оборонительную линию врага протяжённостью 30 км на северо-западе, а на юге от Сталинграда – протяжением 20 км. И за три дня напряжённых боёв продвинулись на 60–70 км.

На следующий день в школе мы решили, что немалое значение в продвижении наших войск могла иметь и наша посылка. А вскоре получили ответ от бойцов, кому попала наша посылка. Они каждого из нас в письме называли по имени и благодарили за

посылку. Мы тогда ходили по школе гордые, высоко задрав носы. Это письмо нам Лидия Ивановна зачитывала в классе. Бойцы писали, что все тёплые вещигодились, особенно тепло было от махорки в кисетах. И просили нас выполнять свои обещания: учиться только на хорошо и отлично. И ещё рекомендовали заниматься спортом и помогать своим матерям. Им сейчас труднее всех. И обещали, что будут стараться как можно быстрее выгнать немцев из нашей страны.

Смерть бабушки

Незаметно подкрался и Новый 1943 год. Вечером бабушка собрала нас всех у себя, кроме, конечно, моего братца и сестрёнки Риты. Они уже спали. Ёлку уже нарядила Лена. Ёлочка блестела игрушками и фонариками, но не радовала глаз так, как до войны. Тревожили вести с фронта. Правда, к Волге немцев не пустили, но всё ещё на Сталинградском фронте шли тяжёлые бои с большими потерями бойцов. Отогнали немцев и от Москвы. На других участках фронта наши войска стойко держали оборону. Но это стоило многих жизней. Иногда на некоторых участках удавалось перейти в наступление нашим войскам. Но по всему фронту наступление только ожидалось. От воевавшего отца моих братьев давно с фронта не было писем. Поэтому теперь ожидали не столько Нового года, сколько хороших вестей с фронта.

А раньше как я ждала всегда этот праздник. Он был самым любимым. Вспомнила я и последнюю свою ёлку в Москве. Тогда, встречая 1941 год, ждали от него только всего хорошего и радостного. Я ждала новогодних подарков, которые мама до войны обычно клала мне под подушку. Утром в первый день Но-

вого года просыпаешься и сразу лезешь рукой под подушку. В тот последний предвоенный Новый год я вытащила из-под подушки новенький школьный портфель. Теперь, в Балакове, с ним ходила в школу. А на столе тогда стояла тарелка с разного сорта пирожными. Мама знала, что я их люблю.

А в этот военный Новый год бабушка напекла оладьи из серой муки, и каждый получил по оладушку. Взрослые пили наливку, а нам дали подкрашенную воду. Тост был у всех один, чтобы поскорей выгнать с нашей земли фашистов и чтобы все остались живы и здоровы. И отцы вернулись домой целыми. Грустное настроение разрядила тётя Оля, сняв гитару со стены. И спела несколько песен, закончив песней, которую мы все подхватили:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

Припев: Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идёт война народная,
Священная война.

*Как два различных полюса,
Во всём враждебны мы;
За свет и мир мы боремся,
Они за царство тьмы.*

*Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать,
Поля её просторные
Не смеет враг топтать!*

*Встала страна огромная,
Встала на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

Анжела у ёлки, 1941 г.

Моя бабушка – Надежда Петровна Арапова-Уварова,
1897 г.

После Нового года наша бабушка слегла. Она и на Новый год себя плохо чувствовала, но держалась из последних сил, не желая омрачать и без того грустный праздник. Вызывали доктора, он сказал, что не всё так плохо, но ей становилось день ото дня всё хуже и хуже. Началось-то всё с простого ишиаса. А 19 февраля бабушки не стало. И всего-то она прожила на свете неполных 63 года, но каких!?

Остались они с сестрой круглыми сиротами ещё в детстве. Их взяла на воспитание дальняя родственница, работница аптеки. Воспитывала их в строгости. Дав закончить начальную шко-

лу, засадила их за подготовку приданого. И с утра до вечера они прилежно сидели за вышиванием и шитьём. Тётка говорила им, что если сами себе не приготовят приданое, то кто их бесприданниц замуж-то возьмёт.

Наденьку рано отдали замуж за продавца из мануфактурного магазина, Сергея Уварова. Его родственники помогли им построить свой дом, в котором она и прожила всю оставшуюся жизнь. За это время родила восьмерых детей. Всех вырастила, как ни трудно было в годы Первой мировой войны, революцию и гражданскую войну. Тогда она одна осталась с семерыми детьми мал-мала меньше. Младшей всего было два года. В то время по несколько раз через Балаково проходили то белые, то красные войска. Они были тогда ещё без специального обмундирования. Поди, разбери, кто есть кто!? Жители иной раз были в затруднении: «Какой флаг на домах вешать, красный или белый?»

И в очередной раз, когда пришли белые, распустив слух, что красные без разбора вырезают мужчин и даже мальчиков, дедушка насмерть испугался. А был он не из храброго десятка. И когда белые стали отступать из Балакова под натиском красных, то ушёл вместе с ними, захватив с собой их единственного сына Витю, которому не было и десяти лет, да ещё прихватив семейные драгоценные вещи. И докатился с волной белых до Харбина в Манчжурии. Только после окончания гражданской войны в двадцатые годы дедушка вернулся из Харбина с сыном. Представляю, как бабушка переживала за сына, которого увезли в неизвестность. И несколько лет мать ничего не знала о сыне, даже о том, жив ли он ещё вообще. И по их возвращении бабушка мужа не приняла, сказав: «Если в лихую годину, когда ты нас бросил, я как ни было трудно, но всё же выкарабкалась с малыми детьми, а уж теперь и вовсе без тебя, ненадёжного обойдусь». Как ни было трудно, бабушка всех вырастила и образование дала. Сын Витя, окончив с/х техникум, уехал работать под Ташкент, где уже работала бухгалтером самая старшая дочь бабушки Лиза.

Выросшие дети разъехались по нашей большой стране от Ташкента до Мурманска, кроме Оли и Нины, вскоре вернувшихся к маме. Но только дети встали на ноги, завели семьи, и бабушка воспряла духом, как опять война. И опять переживания уже не только за детей, но и за внуков. Тут уже не выдержало её изношенное сердце.

Слева направо внизу: Катя, Нина с Колей, Оля, Валя, вверху: Зоя, Витя, Галя Уваровы, 1928 г.

Когда поехали на кладбище хоронить бабушку, то меня не взяли. Со слезами провожала я бабушку на крыльце.

Помню, мела метель. Гроб уложили на большие конные сани, не закрывая крышкой. С боков на сани примостились три дочери бабушки. Когда лошадь резко взяла с места, бабушкина голова дёрнулась из стороны в сторону. И это беспомощное движение головы на тонкой шее болью отозвалось в моём сердце и запомнилось на всю жизнь. И долго потом я себя чувствовала в чём-то виноватой перед бабушкой. Порой я не слушалась её. Отказывалась приобщиться к религии, как ни старалась бабушка меня привлечь. А она была очень набожна.

Наш огород

Весной 1943 года мамин завод нарезал на земле своего подсобного хозяйства огородные участки. Дал на посадку и картошки по ведру. Нам достался участок на самой вершине крутого склона, который спускался к почти пересыхающей летом речушке. Мы посадили картошины не целыми, а только проросшие верхушки, а саму картошку с голодухи съели. Посадили мы огурцы, тыквы и кабачки.

Вначале, пока земля была влажной, всё посеянное у нас дружно взошло и хорошо росло. И мы радовались, что осенью будем с картошкой и тыквами. И сможем пережить следующую зиму. Однако, когда наступили жаркие летние дни, земля на верху склона быстро высыхала, в основном скатываясь ниже. Уже не помогали и мои поливы. Но неудачи с огородом, помню, не очень-то тогда меня расстраивали.

Главное, что наши войска стали здорово теснить немцев. В июле они перешли в наступление на курской дуге. Уходя с огорода, я спешила к заводу, чтобы взглянуть на огромную карту почти во всю стену завода. Как там развивается наше наступление на курской дуге? На карте красными флажками ежедневно отмечалось движение наших войск по всему фронту. Около карты всегда было много народа, особенно вечерами.

Много было споров уже о сроках окончания войны. И что удивительно, когда наши войска перешли от обороны к активному наступлению, то недоедание и даже голод воспринимались намного легче. В мозгу сверлило: «Скоро, скоро весь этот ужас кончится. Мы победим. И всё будет опять, как и до войны». Это здорово успокаивало.

Военные заводы работали в бешеном режиме, чтобы обеспечить широкое наступление наших войск. Мамин 661 завод стал работать все выходные дни. Поэтому поневоле огород целиком лёг на мои плечи. От вечного недоедания силёнок у меня было мало, чтобы таскать воду из речки на самый верх крутого берега целыми вёдрами. Да мне мама и не дала вёдра. У нас их просто не было.

И я носила воду двумя литровыми банками. Да ещё и соображения не было, сколько чего и как поливать. Я столкнулась с землёй первый раз в жизни. Приходила на огород, уже отведя брата в садик, сходя в магазин за хлебом и позавтракав. Да идти туда за город было минут сорок, если не больше. Автобусы тогда никакие там не ходили. И приходила я, когда солнце стояло уже высоко и пекло нещадно.

Помню, только полью огурцы и несу воду мимо них для других растений, а вокруг огурцов земля уже опять сухая. Поливаю их во второй и третий раз и так всё остальное, пока не сжариваюсь окончательно на солнце. А вокруг меня ни души, какой же дурак будет делать поливы в самую жару. Устав окончательно, я залезала в речку и плескалась в ней. Потом уходила домой. Конечно, нужно было бы поливать огород рано утром или попозднее вечером.

Но мне нужно было к вечеру приводить брата из садика и следить за ним и кормить его ужином. Почти сразу после садика он начинал хныкать, что хочет есть. А в сумерки я и сама боялась идти за город на огород. Да и мама вечером не разрешила бы одной идти за город. А сама приходила с работы очень поздно. И ей было не до огорода. Так у нас сначала пропали огурцы, потом и кабачки. И тыквы частью засохли. А которые выжили, дали нам плоды с кулачок. И картошки мы собрали всего ведро одной мелочи. То есть к зиме подготовились плохо.

Немного выручало то, что мама ближе к осени иногда в числе других женщин посылалась в подсобное хозяйство на помощь в уборке урожая. Тогда она приносила оттуда то вилок капусты, то несколько картофелин. Один раз принесла две сахарные свёклы. Мы её отварили и пили вприкуску, как с сахаром, с ней чай. Правда, она была тёрпкая и связала язык, но главное, была сладкая. Мы сахара не видели почти что с отъезда из Москвы. А когда мама была послана в подсобное хозяйство на уборку картошки, то им за работу выдали по ведру картошки. Эту картошку долго тянули для варки супа.

Переезд в новый дом под залпы первого салюта

Наконец маме дали от завода комнату и мы переехали в неё 5 августа 1943 года. Наш переезд совпал с первым салютом в этой войне по случаю взятия нашими войсками Орла и Белгорода. Несколько фраз по поводу этого салюта. Как писал генерал С.М. Штеменко, в день взятия нашими войсками этих городов его и генерала Антонова вызвал в ставку Сталин. И первым делом он их огорошил вопросом:

– Читали ли вы военную историю? Мы смешались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным: до истории ли было нам тогда! А Сталин меж тем продолжал:

– Если бы вы её читали, то знали бы, что ещё в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели во все колокола. И нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами.

Так было решено отмечать победы наших войск торжественными артиллерийскими залпами в Москве и каждый залп сопровождать пуском разноцветных ракет, а перед тем передавать по всем радиостанциям Советского Союза приказ Верховного главнокомандующего. Так, в тот же день 5 августа был издан поздравительный приказ и дан первый салют. Под звуки артиллерийских залпов из тарелки на фонарном столбе двора мы вносили вещи в наш новый дом.

По сути, мы въехали не в комнату, как таковую. Жильцы коммунальных комнат квартиры по приказу свыше освободили нам общественную кухню и стали готовить каждый у себя в комнате. Эта кухня с почерневшим от постоянной копоти керосинок потолком, с огромной, почти во всю комнату чугунной плитой, с двумя большими окнами и без печки и стала нашим новым домом. За несколько дней перед нашим въездом заводские маляры помахали кистями с известкой по потолку и стенам. Нам оставалось только вымыть окна и пол от грязи и напавшей извести.

На заводе маме отдали во временное пользование старый диван, а тётя Нина дала кровать. С верхнего этажа нам дали детскую кровать для брата. Так что спальные места у всех были. Не было только стола, и мы первое время ели на широких подоконниках и на плите, когда она не топилась.

Вместо стульев я постепенно натащила с помойки ящики. Из ящиков и составили стол. Нашла даже стул без одной ножки. Мама прибила вместо ножки подходящую деревяшку, и на стуле можно было сидеть. Даже для этой скудной мебели еле хватило места в небольшой комнате.

Первое время занятая устройством комнаты я не замечала тут своей оторванности от родных. А потом затосковала по Лене, по братьям. Дом, в котором мы теперь жили, был довольно далеко от бабушкиного дома. И времени не было часто общаться.

Весь сентябрь я проработала на уборке урожая в колхозе. С нашего класса я была одна. Так как посылали на уборку по желанию, а в нашем классе большинство детей было из частных домов с большими огородами и скотиной, то они помогали в уборке своим родным. Наш же огород бесславно кончился, и есть дома было нечего, а в колхозе обещали хорошо кормить, я и согласилась с удовольствием.

И в основном поехали дети из неимущих семей. Среди них было много ленинградцев. Нас отвезли туда на машине от школы и привезли потом к школе. Мы помогали убирать овощи и рыть картошку. И жили мы в колхозе в классах сельской школы, оборудованных кроватями. Кормили нас три раза в день. Это для меня было как в доме отдыха. Кормили по-деревенски, хорошо и сытно. Я отпилась там молока, наелась разных каш. Даже мясо несколько раз нам давали.

Посвежевшая и даже поправившаяся я появилась дома, в нашей новой комнате. Ключ, как и раньше, был под ковриком в прихожей. А дома шаром покати, ничего съестного нет. Хорошо, что нас привезли ещё утром, и я успела сбегать на рынок. Ходила по рядам рынка и предлагала ещё не проданные иголки и мотки ниток мулине. Совсем было отчаялась, никому мой товар

не был нужен, как одна баба, торговавшая пшеном, предложила мне за иголку стакан пшена.

Домой я шла радостная, неся драгоценное пшено. А придя домой, зажгла керосинку, к счастью керосин в ней ещё был, и поставила варить суп из половины стакана пшена. Эту керосинку я нашла на помойке. Она была инвалидом без ножки и с погнутыми пластинами для фитилей. Мама её починила и вставила чуть ли не проданные новые фитили, которые захватила ещё из Москвы.

К приходу мамы с братом сварился мой немудреный супчик. Мама пришла домой с хлебом. Мы съели весь мой суп, и мама из остального пшена сварила суп для следующего дня. Тогда я пошла в школу в первый день нового учебного года пообедавшей, мы и в шестом классе учились во вторую смену с трёх часов. Это было удобно. Когда надо, я могла идти с утра на рынок.

А рынок тут же и понадобился, так как маму больше не посылали в подсобное хозяйство. Есть кроме хлеба было нечего. А попробуй, растяни 300 грамм хлеба на весь день. Хлеб был тяжёлый, из моей пайки выходило три тонких кусочка. И это всё. В этих трёх кусочках и завтрак, и обед, и ужин. Больше ничего, только вдосталь воды, которую ещё нужно было принести с колонки во дворе. И ещё вскипятить. А на это нужен был керосин, который не всегда у нас был. Я не помню, где он тогда продавался.

Мама в литровых бутылках приносила его с завода. Но часто были с ним перебои. И пока не наступила зима, и мы не топили свою плиту, то ели свой хлеб с холодной водой, когда не было керосина. Пришлось опять ходить на рынок со своим товаром с надеждой продать что-то на стакан пшена. Однако стояли дождливые дни. Рынок был полупустой. И свой товар негде было даже разложить, везде грязь. Стала предлагать иголки и нитки бабам, стоявшим за прилавком. Но и у них ничего не покупали. Они были без денег в плохом настроении и гнали меня от себя прочь. Так было несколько дней подряд. Эти дни мы только жевали свою пайку хлеба с водой без горячего.

Как мы остались совершенно без еды

Когда ничего не продавалось на рынке, я приноровилась вечером перед закрытием магазина стоять в резервной очереди и ждать, когда никто уже не придёт за хлебом по карточкам на «сегодня». И если у продавца ещё оставался хлеб, то он за полчаса до закрытия магазина отпускал по карточкам хлеб на «завтра» нашей резервной очереди. Это выручало нас несколько раз.

Мы, когда нечего было есть, съедали весь хлеб на «сегодня» утром с чаем, только немного оставив мне на обед. А вечером ужинали хлебом на «завтра», взятым только по одной карточке. В следующий раз, когда кроме хлеба, нечего было есть, купили хлеб на сегодня и весь его тут же и съели, а по второй карточке на «завтра» оставили на утро. На следующий день у нас уже не было сегодняшнего хлеба на карточках, мы его вчера съели. И нам приходилось теперь голодать до вечера, чтобы купить хлеб на «завтра», когда соизволит продавец его продавать в конце вечера.

А в остальные дни месяца теперь у нас карточки так уже и были только на завтра. И каждый день по этим карточкам я получала на «завтра» хлеб только перед закрытием магазина, когда никого уже не будет на «сегодня». С утра мы доедали хлеб, полученный мною накануне вечером, и до позднего вечера у меня не было ни крошки во рту. Магазин работал тогда, кажется, до девяти или десяти часов вечера.

Однажды получив, наконец, перед закрытием магазина наш хлеб, я радостная вышла на улицу. А там кромешная тьма. Редкие тусклые фонари едва освещают тротуар и лужи в его углублениях. Дело было уже в конце октября. Было холодно. Я помню, торпливо шла, прижимая к себе хлеб. К нему был небольшой довесочек, который так вкусно пах, что я не утерпела и съела его. На улице впереди меня никого. А сзади слышны ускоряющиеся шаги нескольких пар ног и мальчишеские голоса.

Поговаривали тогда, что иногда хулиганы воруют хлеб из сумок, особенно, когда темно. Но не все же мальчишки хулиганы. Однако на всякий случай я крепче прижимаю к себе драгоценный

хлеб и убыстряю шаги. Внезапно мне зажимают мохнатой варежкой рот, разжимают и крепко держат руки, выхватывая хлеб. Всё это в какие-то доли минуты. Я не успеваю опомниться, как несколько мальчишек с моим хлебом уже бегут впереди меня и исчезают в темноте. Я надрывно кричу:

– Отдайте мой хлеб! Отдайте хлеб! – Иду и рыдаю навзрыд. Ко мне подходит женщина:

– Что случилось, девочка, что ты так плачешь, успокойся. – Какое тут успокойся, когда я знаю, что дома меня с нетерпением ждут с хлебом. Она поняла из моих рыданий, что у меня отняли хлеб. И говорит, что нельзя так поздно тебе одной по улице ходить, как мама тебя пускает? Хорошо, что тебя не обидели ещё. Я её не поняла и подумала, как же не обидели, куда уж тут хуже, когда остались мы без хлеба.

Прихожу домой зарёванная. Мама, успокаивая меня, говорит, смотри, что я принесла. И показывает пирожок из белой муки. Оказывается, в заводской столовой на обед были пирожки. Мама режет его на две части. Одну даёт мне, а вторую оставляет братику наутро. Теперь он уже спит. Пирожок оказывается с мясной начинкой. Я пью чай и, как конфету, рассасываю не торопясь эту половинку пирога.

Утром ничего нет на завтрак. Мама пошла на работу, только попив воды. А мне надо ещё делать уроки перед школой. Знала бы, что хлеб у меня отнимут, лучше не тратила бы тогда время на магазин, а сидела и занималась. Теперь ни того хлеба и невыученные уроки. Сейчас же голод не давал на них как следует сосредоточиться. Думалось, вот сижу я тут без толку, а на рынке вдруг что-то у меня продается, будет тогда, что поесть.

Бросаю уроки, бегу на рынок. Прохожу вдоль прилавков. Показываю продавцам иголки и нитки. Никакого внимания. Тогда раскладываю на земле свой товар. День ветреный, мне холодно стоять. Вышагиваю около своего места взад и вперёд. Час проходит, другой. Никто к моему товару не подходит. Я совсем замёрзла, да ещё вспоминаю, что у меня не сделаны уроки. Сворачиваю свой товар и иду домой.

Нестерпимо хочется есть. За устные уроки не берусь. Сажусь делать хотя бы письменные задания. Это немного отвлекает от голода. В керосинке есть ещё немного керосина, я разогреваю и пью травяной чай, закусывая несколькими головками клевера из гущи чая, стараясь их разжевать. И иду в школу. Первый урок география. Забывая о голоде, впиваюсь в учебник. Но гроза проходит мимо, меня не вызывают.

На большой перемене местные девочки достали из портфелей свёртки с завтраками, разворачивают пышные белые куски домашнего хлеба, намазанные сливочным маслом и домашним сыром или кольцами нарезанного крутого яйца или колбасы. От соблазнительного вида бутербродов и их аромата у меня кружится голова и рот наполняется голодной слюной. Я ушла из класса, чтобы не смотреть голодными глазами на разложенные девчонками завтраки.

Ходила по коридорам и делала вид, что читаю развешенные на стенах классные газеты. Заметила, что не я одна брожу по коридорам, в то время как другие едят. Бродили по коридорам мальчишки и девчонки, эвакуированные из Ленинграда, как и я, наверно, не обеспеченные хорошими огородами, с которых можно получать нормальные урожаи. Да и не имевших собственную скотину, так как жили или на частной квартире или, как и мы, в недавно полученном жилье заводских домов.

В последний день октября опять сидеть нам без хлеба, так как съели его накануне. И первого ноября до вечера были без хлеба, пока мама не получит карточки на ноябрь. Получалось, если ничего не продается у меня на рынке, то двое суток, кроме воды, в живот нечего класть. С надеждой я пошла на рынок. Но меня ждала неудача. Простояла и промёрзла несколько часов и всё зря. Никто даже не подходил к моему товару. Окончательно замёрзнув, я свернула коврик, положив всё в сумку, и ушла. Опять идти в школу голодной, опять девчонки будут дразнить мой желудок вкусными бутербродами. Дома, в холодной комнате я разревелась от безысходности, легла на диван, закуталась в одеяла и, решив не идти в школу, уснула.

Самое трудное и голодное время

Поздней осенью 1943 года маме удалось через завод выписать кубометр совсем сырых дров. Дали и маленький сарайчик во дворе. Когда стали топить плиту, то обнаружили, что она почти совсем не греет, так как топилась напрямую. В ней не было зигзагов или, как печники называют, «колен» как должно быть в нормальной печке. И после топки она быстро остывала. Да и от сырой осины мало было толку. Мы, правда, подсушивали поленья на ещё тёплой плите. Но хорошего жара осина всё равно не давала.

Разжечь эти дрова часто можно было, только плеснув на них керосином. Но его нужно было ещё иметь. После каждой топки мы раскладывали для просушки поленья на ночь на ещё тёплую плиту. Ими немного просохшими за ночь и разжигали её на следующий день. Есть часто тоже было нечего, кроме пайки хлеба. Мои походы на рынок по утрам до школы редко были успешными. Расстилала я на снегу коврик и на него раскладывала свой товар с надеждой на продажу хотя бы чего-нибудь на стакан пшена. Но чаще ничего не продавалось.

Однажды, помню, долго ко мне никто не подходил. А был изрядный морозец. Я хотя и была в валенках, но порядком уже замёрзла, стояла-то я с пустым желудком. Хлеб свой с голодухи съела весь ещё вчера вечером, ничего не оставив на утро. Перед походом на рынок попила только тёплой воды из чугунка, стоявшего на углях в плите. Чтобы согреться, я стучала валенок о валенок и хлопала руками в варежках друг об дружку.

Уже хотела уйти домой. И решила, вот досчитаю про себя до 500, и если никто не подойдёт, то уйду домой. Не успела досчитать и до двухсот, как ко мне подошли два хорошо одетые молодые мужчины. Увидев у меня разноцветные моточки мулине, спросили, сколько стоит один моток. Я сказала. Они нагнулись и стали брать в руки моточки, подбирая цвета.

Один из них спросил, а не рано ли учить второклассницу вышивать? Я ответила, что мама меня начала учить вышивать с восьми лет. И подсказала, что для этого понадобятся ещё и спе-

циальные иголки для вышивания, которые у меня тоже есть. Я уже с ликованием в уме подсчитывала, что смогу купить на те деньги, что получу за пять моточков, что мужчины держали в руках, да ещё и за иголки, мною предложенные.

Но вдруг, выпрямившись, мужчина, который сомневался, не рано ли учить вышиванию, сказал: «Нет, это не годится, давай ещё что-нибудь посмотрим». И тогда второй тут же положил набранные мотки обратно на коврик. Для меня их отказ был таким неожиданным, что не выдержав, я тут же при них разревелась. «Ты что, девочка?» С испугом спросили они в один голос.

Сквозь рыдания я еле смогла выговорить, что со вчерашнего дня ничего не ела и надеялась купить хотя бы стакан пшена, если они купят у меня что-нибудь. Тогда один из них молча открыл свой кошелек и, вынув красную тридцатку (тогда тридцать рублей было одной купюрой), также молча положил её на мой коврик, и ничего у меня не взяв из товара они быстро удалились. Я так была поражена, что не сразу сообразила, как поступить. А когда опомнилась, они уже зашли в крытый рынок.

Утерев слёзы, я подняла эту тридцатку, начинавшую засыпаться внезапно пошедшим мелким сухим снегом. Зажав её в руке, засунула в сумку свой товар и, зайдя в рынок, купила на неё стакан пшена. В школу я не пошла. Не было сил. Да и никак не могла согреться. В комнате было холодно. Затопить плиту мне не удалось. Всё валилось из моих замёрзших рук. Я не смогла даже настругать лучину для разжигания плиты.

И вконец расстроившись, я залегла на диван, накрывшись всеми нашими одеялами, чтобы согреться, и наревевшись всласть, уснула. Почему-то у меня на душе было очень скверно от этих подаренных денег. Возьми они за эту тридцатку у меня что-то из товара, это было бы правильно, а так я восприняла их, как подачку нищему. А это меня оскорбило. Но ещё хуже, что я не побежала и не отдала эти деньги обратно. Я зависела от своего голодного желудка. И это меня страшно угнетало. Я была противна сама себе.

Может, я росла такой невыносимой гордячкой? Но этого бы не было со мной, если бы все в Балакове были в одинаковых условиях. Но там было большое расслоение среди населения. Хуже всех, конечно, там пришлось нам, эвакуированным. У нас не было, как говорится, ни кола и ни двора. Из постоянных жителей города больше всех в войну страдали люди, кто жил в государственных квартирах и не имел огорода.

В войну они имели только зарплату, на которую могли купить хлеб по карточкам да заплатить за квартиру, электричество, керосин и другие необходимые платы, как мама, например, за Женю в детский сад. Для покупки продуктов с рынка зарплаты было мало. Наиболее запасливые из этой категории могли ещё что-то продать из своих вещей и тогда только купить необходимое на рынке. Но это ещё с условием, если их вещи кто-то купит.

Лучше, конечно, приходилось тем, у кого были огороды и они на всю зиму худо-бедно, но имели картошку и другие овощи. Ещё лучше было жившим в собственных домах с приусадебными участками. Они часто и скотину содержали, если не корову, то козу или поросёнка обязательно. Вот, хорошо известно, что в войну выручала лебеда. Она, кстати, и питательнее многих других трав. Но у кого она росла?

На этих приусадебных участках. У нас в голом вытоптанном дворе, да наполовину заасфальтированном под помойками, в который входили два двухэтажных дома, она не росла. И на нашем огороде не росла, когда там всё вообще выгорело на склоне от жары. В городе на улицах я лебеды нигде не видела. А лучше всех жилось по тогдашним моим понятиям тому, кто имел возможность у нас, эвакуированных, покупать вещи и продавать свои излишки продуктов на рынке.

Вечером того дня, когда мне подали 30 рублей, меня разбудила пришедшая с работы мама и с тревогой спросила, не заболела ли я. Она уже варила из моего пшена на плите полный чугунок жидкой каши. Чугунок-то был объёмистым, и на крутую кашу одного стакана пшена было мало. В комнате было тепло и светло от горевшей под потолком лампочки. Ни люстры, ни абажура у нас, естественно, на ней не было.

Я рассказала маме, как появилось у нас это пшено. Мама жалела, что я не сумела поблагодарить хороших людей за такой подарок. Половину каши мы оставили на утро и мне на обед перед школой. На рынок я не пошла, был сильный мороз. В следующие дни мороз не спадал, и мама меня не пустила на рынок, да я и сама что-то не очень хотела туда идти, хотя и было голодно на одном размоченном хлебе и кипятке. Если бы ещё хлеба было досыта, а то маленький кусочек каждую еду на большое количество кипятка, чтобы свой живот обмануть хотя бы объёмом.

Мама как-то в один из голодных вечеров дала мне сумку и отправила проверять помойки. Тогда многие местные жители нашего двора имели постоянные огороды и получали хорошие урожаи, дававшие возможность заготавливать на всю зиму картошку и тыквы. Это не то, что мы, не сумевшие почти ничего вырастить. А приготавливая тыкву, они часто очищали её от корок не жалея, с большим слоем мякоти. Мама и наказывала мне брать только толстые очистки. Она их тщательно мыла и готовила из них тыквенные супы.

А 30 декабря хлеб отпустили сразу на два последних дня года. Так как несколько дней мы уже сидели только на кусочках хлеба, да тыквенных супах из корок, то получив хлеба вдвое больше, его и хорошо поели в первый же день 30-го. Вот на последний день года и осталось, что маме в дорогу кусок хлеба, а нам с братцем в чугушке остатки вчерашнего тыквенного супа из корок и кусочек хлеба на двоих. Хотела я в последний день старого года хотя бы свежих тыквенных корок набрать на помойке, но под Новый год так хорошо очистили помойки, что помойные ящики зияли пустотой.

Тогда 31 декабря было выходным днём. И мама, напившись тёплой воды из чугушка на углях да взяв с собой кусок хлеба, с раннего утра ушла с несколькими женщинами в село Широкий Буерак за Волгу обменять последнее, что у нас ещё оставалось, на что-нибудь из продуктов. К счастью, в ту зиму рано встала Волга и можно было пройти через неё по льду пешком до села. Мы с братом остались дома одни.

Перед уходом мама оставила для брата прибережённые несколько варёных тыквенных корок, чтобы дать ему съесть с них немного мякоти, когда запросит есть. И сказала на прощание, чтобы мы как можно дольше спали, чтобы сохранять силы. А вечером она надеется, что принесёт из села каких-нибудь продуктов, что скрасят нам Новый год.

Проводив её, я так и сделала, спала, пока спал и брат. Проснувшись, он запросил есть, и мы доели вчерашний суп. Спустя пару часов он опять запросил есть. Я дала ему одну тыквенную корку. Потом сказала, что скоро вернётся мама и принесёт много разной еды. И забавляя и отвлекая от дум о еде, рассказывала ему разные сказки. Днём он стал хныкать, потом реветь, потому что мама долго не идёт, да и есть хотел. Я опять дала ему корочку и, посасывая её, он уснул. А я оделась и пошла во двор.

Так хотелось иметь ёлочку. В нашей безрадостной, нищей комнатёнке с уродливой огромной чёрной плитой ёлочка всё же создаст подобие уюта. Да и легче будет с ёлкой отвлекать брата от еды и тоске по маме. В окно я видела, как по двору проносили в дом ёлки. У некоторых обрубали во дворе нижние торчащие ветки, чтобы ёлка была аккуратней. Я и подбирала эти обрубленные ветки. Из них сложилась целая небольшая ёлочка. Дома я крепко верёвочкой связала ветки и, вставив их в литровую банку с водой, поставила на подоконник.

Потом стала делать цепи из цветных конфетных бумажек. Я ещё до войны собирала красивые бумажки от шоколадных конфет и складывала их в небольшую коробочку, сделанную чемоданчиком, которую мне как-то до войны подарили вместе с ирисками. Эту коллекцию конфетных бумажек в коробочке я, как и мотки мулине, увезла с собой из Москвы. И часто в этой новой безрадостной жизни перебирала своё богатство, стараясь вспомнить вкус тех конфет.

За изготовлением цепей незаметно двигалось и время. Проснулся братишка и тоже включился в работу. Он нарезал полоски из конфетных бумажек. Правда, у него они получались кривыми, но я смолчала, лишь бы только не плакал. А я стала

школьным клеем склеивать колечки. Потом стала делать из половинок каждой обёртки по коротенькой конфетке, закатав во внутрь сложенный кусочек газетной бумаги. Затем я аккуратно закрутила на нашей ёлочке несколько рядов цепи и повесила конфетки.

И ёлочка стала красивой. Брат даже захлопал в ладоши. Время шло к вечеру, за окном синели сумерки, а мамы всё не было. Брат опять расхныкался, прося есть. Я ему дала последнюю тыквенную корочку. В комнате стало холодать. Мы забрались с братом на диван, прижались друг к другу. Он опять стал хныкать, что хочет есть, и просился к маме.

Почему её так долго нет. Уже ночь за окном. Мне тоже было очень тоскливо и хотелось заплакать вместе с ним.

Тем более что за нашей дверью из других комнат доносилось предновогоднее веселье, кто-то пел, звучала музыка, смеялось несколько женских звонких и глуше мужских голосов. На втором этаже через потолок было слышно движение стульев, радостные голоса и смех. А мы сидели в темноте голодные и холодные. Я не зажигала света, надеясь, что так брат быстрее уснёт, и опять рассказывала ему сказку. Брат уснул. Я продолжала сидеть на диване и в тревоге слушала, как усиливается ветер за окном.

Представила маму, как она под сильным ветром идёт через Волгу и зябнет. А там ветру ещё больше простора, чем у нас между домами. Подумав, как маме холодно, то и самой стало холодно. А что же это я сижу. Мама придёт замёрзшая, а у нас в комнате холодина и даже уже тёплой воды нету. И я взялась разжигать плиту. Так и время быстрее пройдёт до прихода мамы. Настругала из сухого полена лучин. Вычистила в специальный ящик золу из плиты. Мы золу копили с целью экономии мыла. Её стирали.

Потом я сняла более сухие дрова с плиты и положила их в самый низ на колосники. А на них уже поленья посуше с подоконников. Перед дровами наискось положила лучины и смятые ненужные листы старых газет, я их вытаскивала из помойки.

И подожгла бумагу спичками. За бумагой загорелись и лучины. Я прикрыла двёрку. И чуть дыша, следила, загорятся ли поленья.

В это время за дверями комнат в нашей прихожей и над нами со второго этажа начали громко поздравлять друг друга с Новым годом. У нас не было даже радио в нашей кухне. Хорошо, что ещё были маленькие часы-будильник, доставшиеся нам в память о бабушке. Уже Новый год, а мамы всё нет. Может, она провалилась под лёд. Но этого не может быть, тут же я противоречила себе. Уже давно мороз и Волга стала. Иначе никто не пошёл бы в то село. Где-то во втором часу ночи кто-то тихо заскрёбся в нашу дверь.

Я сначала испугалась, а потом вскочила и открыла дверь. За ней стояла мама вся белая как снегурочка в замёрзших очках.

– Помоги мне, – неслушающимися замёрзшими губами сказала мама. И тут я увидела у порога санки, а на них что-то большое круглое. Мы ввезли санки в комнату. На них лежала огромная тыква. И больше ничего не было.

– А где же мука или крупа? – Удивилась я.

– Хорошо, что ещё эту тыкву дали, а то бы совсем ничего не принесла.

– А что ты за неё отдала?

– Твои валенки. – Мне стало жалко валенки. В чём же я буду долгую зиму стоять на морозе со своим товаром на рынке? Но ничего вслух не сказала.

Я еле стащила с мамы суконные сапожки, один совсем прилёз к ноге. Стянула с неё шерстяные носки и начала растирать её замёрзшие ноги. Мама-то у меня была уже не молоденькая. Ей стукнуло уже сорок два года. Попоила её тёплой водой. Дрова мои разгорелись. Мы отрезали от тыквы кусок и, нарезав на кусочки помельче, кинули в чугунок на плите. На сковороду положили сушиться семечки. И поев горячего густого тыквенного супа да поев семечек, легли спать.

На следующий день уже Нового 1944 года, отоспавшись и придя в себя, мама за приготовлением праздничного обеда, состоявшего из тыквенного супа, запечённых на углях кусочках

тыквы к чаю и жареных семечек, рассказала о своём страшном путешествии. Туда они шли ходко. Ветер дул им в спину и только подгонял.

Оттуда шли нагруженными, да ветер стал со снегом и дул прямо в лицо. Мама часто останавливалась, чтобы протереть забившиеся снегом очки. Иначе ничего через них не видела. Но часто останавливаясь, она всё больше и больше отставала от своих. Скоро ей их было еле видно вдаль.

Испугавшись, она прибавила шаг, чтобы догнать своих женщин. Очки быстро забились, но не останавливаясь, она на ходу кое-как их протерев, шла почти уже на ощупь. И вдруг одна нога куда-то провалилась. Оказалось, она попала в край полыньи, которую рыбаки пробили для ловли рыбы. Она затянулась тонким ледком и засыпалась снегом. Мама с трудом вытащила из неё свою ногу, боясь оставить в ней свой сапожок.

И после стала опять часто останавливаться, протирая очки, боясь опять попасть в ловушку. Совсем стемнело. Ориентиром ей был только береговой лес, из которого уже доносились волчий голоса. От всё усиливающегося воя волков у неё мороз пробежал по спине. Провалившаяся нога, видимо, всё же промокла, так как её, несмотря на быстрый мамин шаг, пощипывал мороз. Но она успокаивала себя тем, что слава Богу ещё не обеими ногами попала в эту полынью, а то бы ушла сама к рыбам.

Время тянулось очень медленно, сколько ни прошла, а всё ещё сбоку по берегу тянулся тёмный лес. Когда, наконец, лес кончился и тропа подвела к берегу, вздохнула свободней. Но оставалось ещё взобраться с тяжёлыми санками на крутоватый берег. Она пыталась идти вверх, а сани тянули назад. Сил-то уже им противостоять не было. Устала, ноги были уже как ватные, да сутки ведь уже ничего не было во рту.

От голода кружилась голова. Еле вылезла наверх. Но ещё несколько километров было до города. И нужно было не только идти, но и везти за собой тяжёлые санки. Она сказала мне тогда, что только потому смогла дойти, что знала, вы меня там ждёте и без меня пропадёте. А совсем свободно она вздохнула, когда по-

дошла к крыльцу нашего дома. Но сил уже не было ввести санки на крыльцо. Хотела уже стучать в окно и меня вызывать на помощь. Но помог поднять санки проходивший мимо мужчина. «Второй раз такой поход я не выдержу». Так закончила мама свой рассказ.

— Да больше и не надо, такой ценой, — сказала я, — тыкву можно и здесь по помойкам собрать. А пшено я берусь добавлять к тыкве своими походами на рынок.

Как мы решили уехать из Балакова

Всю последнюю зиму 1943–44 года и весну мы жили в Балакове в полуголодном состоянии. Пока до конца ещё не были проданы мои мотки ниток и иголки, то периодически мы могли есть пшённые супы и каши с маминой тыквой. Когда же ничего не продавалось и уже съели тыкву, то мама заставляла нас пить с кусочком хлеба горячую воду, это меньше отнимало калорий, чем холодная вода.

На рынок со своим товаром я ходила теперь, так как мои валенки обменяли на тыкву, в Борькиных ботинках. Они ему стали малы, а мне были здорово велики. Можно было для тепла накручивать на ноги старые газеты, и потом только надевать ботинки. И ноги, к счастью, не так сильно мёрзли.

В эту зиму я второй раз за войну столкнулась близко со смертью. Умер братишка Витя моей подружки Нади Середниковой, с которой мы вместе часто мёрзли на барахолке со своим товаром. У Нади отец погиб на фронте. И мать осталась с тремя детьми. Старшей Наде было много хлопот с младшим грудным ещё братишкой. Её с мамой эвакуировали из Белоруссии. Они, как и мы, приехали сюда к родным. Мама поступила на 661 завод, и им дали так же как и нам, общественную кухню на втором этаже.

А когда вещи кончились, и они стали голодать, то у матери пропало грудное молоко. Когда приносили Витю из яслей, то кормили разжёванным хлебом, завернутым в марлю. Ребёнок высасывал жидкое хлебное тесто и засыпал. Но какая это еда для грудного ребёнка!? И братишка быстро таял на глазах. И уж

не помню почему, то ли ясли закрылись, то ли в таком дистрофическом состоянии ребёнка не принимали в ясли, но последнее время ребёнок был дома на руках моей подружки. Она забросила школу.

Когда я навещала Надю, то страшно было смотреть на худое личико, ножки и ручки, обтянутые сморщенной кожей, как у старичка. У ребёнка даже не было сил плакать. Он тихо пищал. И не дожив до годика, так же тихо умер. Помню затруднения в той семье с похоронами. Не было денег заказать гробик. Помог завод. Но пока шли хлопоты поиска мастера, да изготовление гроба в нервотрёпке прошло несколько дней.

Надя не вернулась в школу. Ушла в ремесленное училище. И меня с собой звала. Говорила: «Анжелка, брось вытягиваться в ниточку. Долго так не сможешь вынести. А в ремесленном паёк хороший дают, да шинель тёплую и сапоги». И только тогда я поняла, как дорога мне школа. Не хотела я ремесленного, а хотела кончать десятилетку, как мама и как папа.

Ближе к весне у меня были проданы все мотки ниток и все иголки. И мы могли надеяться в еде только на хлеб по карточкам и на помойку, когда с сумкой я обходила на нашем большом дворе, объединяющем два дома, все помойные ящики, собирая тыквенные и кабачковые очистки. Попробовала собрать и толстые картофельные очистки. Из них однажды мама испекла лепёшки. Они горчили, но я их всё же ела с голодухи. А потом у меня открылась рвота, видно, попало много солонины.

Весной с Надей мы ходили копать белые сладкие корни туда, где копали их с братьями в прошлом году. Но не нашли их. Набирали щавель, и любую не горькую траву и дома варили щи. Огород не стали брать. Мама сказала, что не в силах его копать и некогда ухаживать за ним. Я заметила, что она стала очень медленно ходить, еле передвигая ноги. Они у неё стали опухать.

Я поняла, что мама устала и от голода, и от непосильной для неё работы по 12 часов. А война всё никак не кончалась. Зимой я думала, дожить бы только до весны, и кончится война. Но

пришла весна, а всё ещё шли кровопролитные бои. Немцы очень трудно покидали нашу землю, уцеплялись за каждый клочок, зло огрызаясь. Каждый день по дороге в школу я проходила мимо огромной карты фронта, что висела на стене завода и внимательно следила за передвижением красных флажков в сторону Запада.

Когда флажки тормозились или очень медленно двигались на Запад, я расстраивалась, у меня на весь день было скверное настроение. Но когда флажки резко продвигались вперёд, я готова была прыгать от радости. С 26 марта войска 3-го Украинского фронта начали наступление под Одессой. С пристальным вниманием я следила за освобождением всеми любимого города.

Флажки в этом направлении то быстро продвигались, а то на несколько дней затормаживались. И только 9 апреля было сообщение вечером, по радиотарелке, что висела на фонарном столбе нашего двора, что войскам 5-й Ударной армии удалось ворваться в северные улицы Одессы. Я прыгала от радости. На следующий день бегом бежала к заводской карте. На городе Одессе был воткнут красный флажок. Город полностью был взят нашими войсками 10 апреля 1944 года.

Однажды мама пришла домой какая-то очень задумчивая.

– Что-нибудь случилось? – спросила я.

– Да, случилось, – ответила мама. – Нас приглашает тётя Галя переехать к ним в Астрахань. Сегодня я получила от неё официальное приглашение с вызовом. Тётю Галю, младшую мамину сестру и её семью я знала хорошо. Они несколько раз ещё до войны, проезжая из своего Ростова-на-Дону в отпуск через Москву, останавливались у нас. Тогда в нашей маленькой комнате на пол стаскивали ватный матрац с кровати, и они всей семьёй: тётя Галя, дядя Лёша и их маленький сын Вова спали на полу. Дядя Лёша, приезжая, всегда угощал меня плиткой шоколада. И в доме на несколько дней становилось шумно и радостно. В настоящее время дядя Лёша руководил крупным судоремонтным заводом в Астрахани.

От радости я даже захлопала в ладоши.

– Всё это хорошо, – сказала мама, – но билеты на пароход для нас дороги, даже на корме в 4 классе. А у нас, после того как я заплачу за комнату, за электричество и за детский сад, почти ничего не останется от зарплаты. Если только сделать так, – не договорив, мама вынула из чемодана старинную красивую бардовую бархатную скатерть с ручной вышивкой и кистями. Когда она развернула её, я только ахнула от восторга, увидев такую красивую вещь.

– Если только продать эту скатерть, – закончила мама свою фразу, показав мне скатерть. Но это память о нашей бабушке.

Я впервые видела такую красивую вещь. И спросила маму:

– А когда это бабушка дарила тебе такую красивую скатерть, я не помню.

– Бабушка сама и не дарила. После смерти бабушки всем дочерям осталось на память что-то из бабушкиных вещей. Мне – эта скатерть. Она из приданого бабушки, которое она готовила себе сама. На скатерти вышивки сделаны её руками.

– Продавать такую красоту жалко, – сказала я.

– И мне жалко, – вздохнула мама. – Но знаешь, в эти трудные годы нам пришлось, чтобы выжить, от многих своих вещей отказаться. А если бы пожалели, могли бы и не выжить. Я знаю людей, которые, пожалев свои вещи, умерли от голода, а их вещи и дорогие ковры на стенах остались. И я считаю, что всё же жизнь дороже вещей.

– Да, – откликнулась я, – конечно, жизнь дороже вещей, продавай мама эту скатерть и уедем в Астрахань, здесь мы не выживем.

Мама и без меня, конечно, решила продать эту скатерть, но хотела, наверное, и утвердиться в этом решении и дать мне урок, что жизнь дороже всяких вещей. Да и памятуя о бабушке, хотела, чтобы я знала и запомнила, какие красивые вещи могла делать бабушка своими золотыми руками. Без её вышивок и сделанных её руками кистей это был бы просто кусок материи.

ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ

По приглашению тёти Гали, маминой сестры, мы решили уехать из Балакова в Астрахань. Постоянная борьба здесь с голодом была для нас опасна. Надеялись в Астрахани прокормиться рыбой. Она там была дешёвая. По вызову от тёти Гали мама получила официальный пропуск на выезд из города. Только так в войну можно было передвигаться с одного места жительства на другое.

И вот в июле 1944 года по пропуску были куплены билеты на пароход в четвёртый класс на корме. Проходящий пароход с верховья прибывал в Балаково в 11 часов утра. Мы с мамой, встав чуть свет, кончали увязывать вещи и ожидали заказанную лошадь, чтобы ехать на пристань.

– Мама! Анжела! Лошадь едет! – Влетел в комнату запыхавшийся Женя. И как бы подтверждая его слова, за окном стал слышен стук копыт по асфальту двора и громохание пустой телеги.

– Тпрр! послышался голос возчика, и лошадь с телегой остановилась у крыльца.

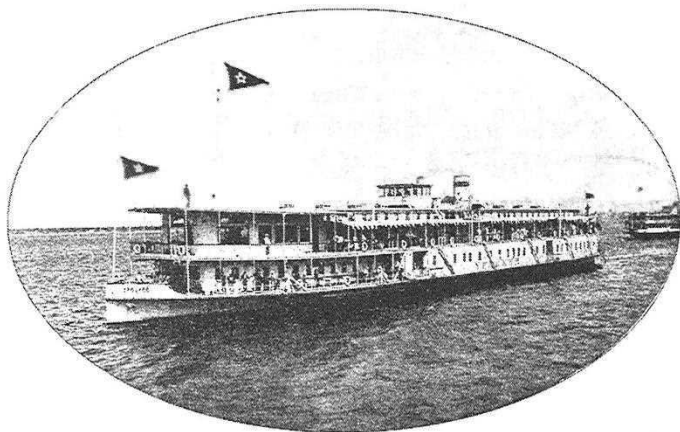
Мама вышла договариваться с возчиком, братишка тут же улепетнул за ней. Оставшись одна, я прощалась с комнатой. Припомнила, как мы сюда въезжали, сколько всего тут было пережито, хотя и недолго жили. Прокрутилась передо мной, как в калейдоскопе, вся наша 3-летняя жизнь в Балакове. Для меня она тогда казалась очень длинной. Это была треть моей маленькой жизни. Приехала-то я в Балаково глупенькой десятилетней девчонкой, а уезжала уже юной девицей почти 14 лет.

На днях ходила прощаться с братьями. А Лена уехала уже на каникулы в Астрахань. Припомнилось, как бабушка старалась вылечить меня от малярии. А с Леной мы часто летом бегали купаться на Балаковку, благо она была рядом, только перейди улицу. Вспомнилось, как ходили с ней по грибы на Канино. Как туда пробирались через затон в половодье по полузатопленной плотине. Не хотелось только вспоминать мне голод и походы на барахолку, но оно всё же невольно вспоминалось тоже.

Вошла мама с возчиком, прервав мои воспоминания. И мы стали в первую очередь, как распорядился возчик, грузить вещи, идущие в багаж. К сожалению, ручной багаж на подводу не поместился. Физически-то он мог бы поместиться, но возчик сказал, что лошади в жару не потянуть. Как сейчас я думаю, он просто вымогал из мамы доплату. В Сызрани, когда ехали сюда, у нас было больше вещей, но тогда и разговору не было, что лошадь не дотянет до пристани.

Просто мама по своей доброте душевной не поняла его крючкотворства. Мы были в растерянности. Как нам тащить чемодан, большой узел с пальто и постелями, да ещё зимбель с продуктами несколько километров до пристани. Тут нам на помощь пришла соседка, предложив свою ручную тележку. Иначе не знаю, чтобы мы делали. Оставалось уже не так-то много времени до прихода парохода.

По пыльной дороге, а уже начиналась жара, обвеваемые горячим ветром с песком и пылью, больно стегавшим по голым ногам, мы, обливаясь потом, везли тележку. Дорожная пыль забивалась за ворот, в уши, нос, глаза и рот. На зубах скрипел песок. Намучившись, мы еле-еле добрались до пристани. Но было время привести себя в порядок, так как парохода ещё не было.

Он опоздал на целый час. При отдалённом пароходном гудке люди на пристани зашевелились, похватили свои чемоданы, уз-

лы, баулы, корзины и кинулся к дебаркадеру, месту посадки. Когда пароход уже стал приближаться к пристани, появился милиционер и объявил:

– Граждане, не волнуйтесь, посадка будет ещё не скоро. Освободите место для выгрузки и погрузки. На пароход грузили какие-то тяжёлые ящики. Может это снаряды или винтовки с нашего завода? – подумалось мне.

После грузовой погрузки к сходням строевым шагом подошла целая рота моряков, одетых по форме в матроски и бескозырки. Я тогда удивилась, откуда у нас тут столько моряков, и только уже на пароходе поняла, откуда они. Пассажирская посадка прошла бурно. Тогда в четвёртом классе не нумеровались спальные места. Поэтому я сказала маме ещё заранее, что постараюсь протиснуться вперёд, чтобы занять нижние места.

Взяла я узел с постелями, натянула рюкзак с пальто на плечи и, проскочив мимо громоздких корзин, баулов и мешков, ринулась почти впереди всех к трапу со своим билетом в руках. Удалось занять две нижних рядом и одну над нами верхнюю полку, на которые я разложила постели. За наши нижние места пришлось ещё повоевать, сталкивая желающих втиснуть на них свои вещи, пока не пришла мама.

Пока приходили в себя, отирая обильный пот с лица, раздались первый, следом второй и третий отходные гудки. Заработали рабочие винты, их громохание хорошо было слышно на корме, и пароход отошёл от пристани. Постепенно утихал и шум разборок за свои места, не стало сутолоки. Теперь все принялись развязывать узлы, открывать чемоданы, доставая постели и еду. Пароход отвалил от пристани около трёх часов дня. Уже сильно хотелось есть.

Мама вынула из зимбеля целую буханку хлеба. По вызову от тёти Гали, пропуска и билетам нам выдали по карточкам хлеб сразу на пять дней. Ведь один путь на пароходе у нас был более трёх суток. В день получения такого количества хлеба мама сделала отличную мурцовку с переспелыми огурцами, купленными задёшево на рынке. И мы впервые за много дней более или ме-

нее тогда наелись. Часть хлеба порезали и посушили. И теперь на пароходе мама с оставшимися огурцами опять сделала в большой миске такую же мурцовку на кипячёной воде, что была доступна на пароходе.

После еды легли отдыхать. Мама с Женей на нижних местах, а я полезла на верхнюю полку. Но мне не лежалось. Первая остановка парохода после отплытия Вольск. Он всего в двух часах плавания от Балакова. Мне хотелось увидеть этот город. Проходя на палубу, через стеклянную дверь в третий класс я увидела, что весь он занят теми моряками, что строём проходили на пароход.

На палубе было ветрено. И я вернулась за кофточкой. Когда снова вышла из своего класса, пароход уже приближался к пристани Вольска. Стоянка тут была недолгой. Я успела только осмотреть площадь перед пристанью, выложенную булыжником. Да поглазеть на лошадей, стоявших на площади впряжёнными не в телеги, как в Сызрани и Балакове, а в изящные возки с подножкой. Да и лошади здесь были иные. Не лохматые и пузатые, как там, а стройные, хорошо вычищенные, в дорогой сбруе.

Когда пароход отвалил от пристани Вольска, я осталась на палубе. Правый и левый берега резко отличались друг от друга. Левый, низкий и песчаный был покрыт лесом. Когда пароход подходил к нему ближе, то ветерок доносил лесные запахи, было слышно пение птиц и стрекотание кузнечиков. Правый обрывистый берег местами был очень высокий и почти голый.

Из книги «Поволжье» я вычитала, что по правому берегу тянутся до Саратова так называемые Змиевы горы. В наиболее высоких местах они достигают до 150 м. По преданию своё название они получили от жившего на горе змея громадной величины, причинявшего людям много горя и разрушенного богатырём на три части, превратившиеся в камни.

Перед закатом ветер унялся. Вода приобрела приятный розовый цвет. Я стояла на носу парохода и казалось, что не пароход, а я стремительно несусь вперёд по гладкой воде с отражёнными в ней розовыми облаками. Когда от солнца осталась

только маленькая горбушка, мы проплыли мимо каравана из трёх барж, идущих вверх по Волге. Их натужно тянул буксирный пароходик. Начало темнеть. И я ушла в свой класс. Не проспать бы завтра Сталинград.

Проснувшись утром, я наскоро оделась и бегом на палубу. Кто-то сказал, что уже приближаемся к Сталинграду. Пока, протирая глаза, я разглядывала близкий правый берег, на палубу высыпала вся группа моряков. Подбежав к борту, вглядываясь в местность у берега, перебивая друг друга, в экстазе они кричали, рассказывая, кто и где находился здесь, на подступах к городу, перед тем как его ранило.

Привожу то, что сумела из их выкриков расслышать, в том шуме и гаме какой стоял на палубе, когда моряки увидели те места, где бились, защищая город в прошлом году. Справа от меня, перегнувшись через борт, моряк показывал товарищу:

– Смотри! Вон туда смотри! (указывает вытянутой рукой), в той балке я лежал, когда готовились броситься на прорыв. А она вдруг, рядом, каак шарахнет! И нас осколками, и землёй засыпало! И больше ничего не помню, очнулся уже в санчасти.

– А меня ранило левее твоей балки, вон у того дерева! Надо же, дерево-то уцелело!

– Саша! А я врукопашную схватился с фрицем у подъезда дома. Тогда уже все патроны вышли, да и ранен я был, думал не сдюжу с ним. Но, прикончив его прикладом, и сам свалился. В медсанбате откачали. Как увижу тот дом, покажу. Он недалеко от Волги. Я его запомнил. (Разговор за моей спиной.)

– Покажешь, если от твоего дома хоть что-то осталось. Я в медсанчасть попал позднее вас, и знаю, что на берегу целых домов уже не было.

– А нас бросили на пополнение с левого берега, – рассказывал матрос троим товарищам, стоявшим недалеко от меня. – Переправлялись на паромах в ночь. Помню, уже стремнину одолели, когда внезапно ракетой нас осветило, и он прямою наводкой шарахнул в паром. Из наших ребят мы только втроём до берега добрались. Вернее вдвоём. Я да Петька, а Мишку на себе

по очереди тянули – он без сознания был. Еле доплыли. Кажется, в-о-о-н за теми кустами и вылезли. Отдыхались и Мишку в санчасть поволокли. А потом и я отключился. И не знаю, живы ли они и где...

Заинтересовавшись шумом на палубе, к морякам вышел и сам капитан парохода. Из их разговора с капитаном я узнала, что удалось остановить немцев всего в 200 метрах от Волги. Бились сначала за улицу, потом за группу домов и за каждый ещё уцелевший дом в городе. Эти моряки были ранены, привезены в Балаковский госпиталь, а теперь возвращались в свои части, ушедшие уже далеко на Запад.

Хочу привести выдержки из статей сотрудников Института военной истории в книге «Сталинград. Событие. Символ». Авторы приводят доказательства, что главной стратегией Гитлера был не захват Москвы, как думал Сталин, а захват нефтяных районов Кавказа. Москва для Гитлера была только хитрым отвлекающим маневром, чтобы обмануть Сталина. И это ему в какой-то степени удалось.

Так, в одной из директив немцев указывалось: «сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ». Что захвату Кавказа придавалось первостепенное значение, подтверждает и высказывание самого Гитлера в Полтаве, на совещании в штабе группы армий «юг» 1-го июня 1942 года, где он заявил: «Моя основная мысль – занять Кавказ возможно основательнее разбив русские силы... Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен буду прекратить войну».

Как писали историки, расчёт Гитлера строился на том, что потеря нефти Кавказа, плодородных районов Дона и Кубани, промышленных центров Донбасса и Сталинграда заставит нашу страну прекратить сопротивление. В целом немцы явно недооценивали возможностей нашей страны в быстром восстановлении и наращивании своих сил.

Несмотря на потерю значительной части территории с высоко развитым народным хозяйством, наша страна смогла так ор-

ганизовать военное производство, что во втором полугодии дала военной техники больше, чем военное производство Германии. Улучшилось и качество нашей военной техники.

Но в отношении Сталинградского направления Сталин промедлил с усилением его войсками, как ни предлагал это Жуков, один понявший в то время стратегию Гитлера. В результате Сталинградская победа стоила нам гораздо большей крови и разрушений, чем могло бы быть. Да и удлинила в целом войну. Удлинило войну и увеличило её жертвы и упорство Гитлера, не соглашавшегося на капитуляцию, когда его несколько армий оказались окружёнными нашими войсками под Сталинградом.

Подходя к Сталинграду, наш пароход, в отличие от подхода к другим городам, дал долгий приветственный гудок. Я издали, с палубы хотела рассмотреть город, который в течение 200 грозных дней сражался с врагом и вышел победителем. Но кроме земли, заросшей бурьяном, да одинокого вдалеке чернеющего строения ничего не увидела. Я рвалась первой выйти на берег, чтобы за время двухчасовой стоянки успеть осмотреть то, что стало с городом после жарких боёв на его территории. Но пришлось переждать, пока по трапу переходили моряки. Они были уже с багажом, и на прощанье что-то кричали капитану, который стоял у борта верхней палубы и, отвечая им кивками, снял даже фуражку с головы, отдавая дань уважения морякам, помогавшим, почти ценой своих жизней, отстоять город.

Пристань была разрушена. Пароход подошёл к временному причалу. И я удивилась, увидев восстановленную набережную. Её украшали расписные фонари и изящные скамейки с изогнутыми спинками. Но в остальном всё здесь ещё дышало грозными сражениями. Вместо города от самого берега и дальше была голая, изрытая воронками земля, в иных местах с ещё не разобранными кучами задымленных кирпичей, штукатурки и перекрученного железа, что осталось от домов.

Среди этих пустырей вилась лента шоссе в свежем асфальте, которой я и шла. Сбоку, вдалеке виднелась одинокая, оставшаяся от здания, высокая прокопченная стена, видная ещё с паро-

хода, которую я приняла тогда за целостное здание. Это всё, что осталось от легендарного дома Павлова, о котором говорили моряки. Больше никаких строений не было. С обеих сторон улицы вместо домов тянулись бугры грунта с торчащими из них высохшими стеблями прошлогоднего бурьяна, поросшего свежей травой.

Присмотревшись внимательнее, я увидела под кучами земли проглядывавшие фундаменты от бывших домов. На некоторых высились и цоколи с земляной крышей. На таких импровизированных крышах были уже и печные трубы. Там, где сохранившиеся фундаменты были редки, стояли землянки. Около них возделывались огороды. И везде копошились люди, не бросившие то, что осталось от их домов, не оставившие свой город.

На одном из самых высоких цоколей была прибита дощечка с названием улицы. Эта улица без домов привела меня к большой заасфальтированной площади, на которой стояло единственное мною увиденное уцелевшее здание – крытый колхозный рынок. Удивительно, как рынок остался цел. Только при бомбёжках, как мне сказали, вылетели стёкла. Теперь стёкла были вставлены, и рынок имел обжитой мирный вид. Здесь былолюдно. Торговали в основном редиской и зелёным луком. Была и свежая рыба.

Когда разрушенный до основания город остался далеко позади, тогда только люди на пароходе оживились, стал слышен смех. До этого все, кто сходил на берег, даже дети, были в шоке от увиденного. Хочу привести историческую справку из книги «Живая память», что Чёрный день для Сталинграда наступил 23 августа 1942 года, когда танковый корпус фельдмаршала Паулюса прорвал линию нашего фронта. И на город немцами было сброшено несколько тысяч бомб. Он запылал и стал рушиться.

Корёжилось железо, плавился металл, разрушались все высокие дома. Серая пыль, чёрный дым, красные отблески пожаров, крики, стон, плач – вот что представлял Сталинград 23 августа 1942 года. Но на следующий же день нарком обороны

Сталин приказывает во что бы то ни стало удержать Сталинград. И последовала директива Ставки: «Первое – обязательно и срочно закрыть нашими войсками дыру, через которую прорвался противник к Сталинграду, окружить прорвавшегося противника и истребить его...»

Второе – на фронте западнее и южнее Сталинграда, безусловно, удерживать свои позиции, частей с фронта не снимать для ликвидации прорвавшегося противника, и, безусловно, продолжать контратаки...»

Ставка бросала всё новые войска Красной Армии на помощь Сталинграду. Непрерывно по железным дорогам, Волге, воздуху шли боеприпасы, горючее, военная техника. Только боеприпасов на сталинградское направление приходило тогда 42 вагона в сутки.

Маршал Чуйков в разговоре с В. Ганичевым в издательстве «Молодая гвардия», когда выпускал свою книгу, так говорил о переброске войск, боеприпасов и техники с левого берега Волги на правый к Сталинграду:

«Я Родимцеву даю команду: давай сходу, ночью, на правый берег и – в бой...» Использовали для переправы понтоны. «Но разве на дивизию понтонов хватит? Всё было. Катера, пароходы, баржи, лодчонки. Технику ведь всю за собой тянули. Сколько погибло! Там каша была... Ночь была страшной. Дивизия Родимцева, задержись она, могла стать свидетелем нашего разгрома. Родимцевцы с ходу шли в атаку. Гибли, но до Мамаева кургана продвинулись». Чуйков задумался. И потом: «Вот уйду из жизни и попрошу, чтобы похоронили на Мамаевом...»

Сталинград – горькая зарубка в памяти не только русского народа, но и всего человечества. Этот город стал символом боли, страданий и величайшего мужества.

Астрахань встретила жарой и нарядной пристанью с кружевной резьбой. Издали казалось, что она покрыта белой пеной волн. Вокруг было много зелени и клумб с цветами. В город от пристани вела красивая аллея. Всё это так контрастировало с тем, что я видела совсем недавно в Сталинграде, и не верилось,

что ещё идёт война. О ней здесь напоминали только сводки Совинформбюро, солдатские письма с фронта, всё ещё приходящие похоронки да хлебные карточки.

*Местная пристань на Малых Исадах.
За домами виден Астраханский Кремль*

Сдав багаж, мы прошли на местную пристань и поплыли на водном трамвайчике к родственникам на судоремонтный завод имени Ленина, руководимый дядей Лёшей. Там нам быстро подсказали, где живёт директор. Нужно было пройти на улицу с рядом однотипных одноэтажных домов с приусадебными участками, предназначенных для стахановцев. В одном из них жила тётя Галя с семьёй. Встреча была радостной. Тётя Галя всего два месяца назад родила дочь, была привязана к дому и не смогла встретить нас с парохода.

Нам, детворе, сказали, что можем быть свободны до обеда. И Вовка, наш брат, ровесник Жене, как хозяин повёл нас в сад. Чего тут только не было. Жёлтые и синие сливы, абрикосы, ранние яблоки и груши. Я попала в настоящий рай. Закружилась голова – с чего начать? Начала с того, что валялось на земле. Но Вовка сказал, что фрукты с земли нельзя есть нематыми, а с дерева мама разрешает. Кстати, деревья были низкими, и я полез-

ла на дерево, потом на другое и третье. Думала, что обед уже в живот не поместится. Но обедали поздно, когда с работы пришёл дядя Лёша, принес с собой бутылочку вина. Что тогда было подано на обед, не помню. Отчётливо только запомнила, как тётя Галя внесла из кухни большую тарелку, полную ароматных, горячих пирожков. Я съела пару пирожков. Они так быстро, почти не разжёванными, в меня пролетели, что даже не заметила, с какой начинкой были.

Только поняла, что они из белой муки и очень вкусные. Когда съела третий, то разглядела, что с зелёным луком и яйцом. Я такие пирожки ела только до войны и очень любила. И осторожно потянулась за четвёртым. Тут встретилась взглядом с тетей Галей, которая так одобрительно на меня посмотрела, что я смело взяла пятый, шестой, седьмой и восьмой. Никто из взрослых, занятых разговором, на меня не обращал внимания.

И я съела ещё несколько штук. А ночью мне было так плохо, что думала – помираю. Непомерно вздулся живот. Съеденные пирожки бурно просились на выход. Им, наверное, помогали и фрукты, съеденные мной с деревьев в непомерном количестве. Всё это старалось вылезти из меня наружу со всех дырок. Только под утро утихла война в животе, и я уснула. Спасибо, что меня поместили в малюсенькой комнате, где кроме кровати ничего не помещалось. Меня никто не трогал, и я проспала почти что до обеда.

Тётя Галя с детьми, лето 1945 г.

До осени мы жили вместе с тётёй Галей и быстро оправились от голода. На моём попечении была маленькая Тамара. Мама возилась в огороде. В нём росли разные овощи, зелень и картошка. В первую очередь мы навалились на рыбу. У тётёи Гали в погребе стояла целая бочка засолённых жирных сазанов. Мы их с удовольствием ели с картошкой в мундире и с добавлением салата из огурцов с помидорами. В жару мы гурьбой ходили купаться и загорать на маленький приток Волги, что был рядом. Помню, тётя Галя всё допрашивала меня вопросом: «Почему у тебя совсем плоская грудь? Вы же ровесники с Леной. А у неё уже грудь девушки». Что я могла на это ей ответить? Мне-то было понятно, почему. От голода тело усыхает и ничего в нём прибавиться не может. Но ничего ей не ответила. Кто не голодал, голодавшего не поймёт. Недаром существует пословица «Сытый голодного не разумеет». А Лену я не застала. Она уже уехала домой.

С сентября мама стала работать на заводе секретарём ОРСа. Встал вопрос, где нам с Женей учиться в школе. Из-за маленькой Тамары тётя Галя решила пока круглогодично жить при заводе. Дом их был с водяным центральным отоплением. Это было удобно с маленьким ребёнком. А так как имевшаяся за ними городская астраханская квартира пустовала, то нам разрешили жить в их квартире, находившейся на улице с историческим именем: Лейтенанта Шмидта.

Эта двухкомнатная квартира была близка к Волге, около местной пристани и рынка Малые Исады. Мы с Женей быстро там освоились. Даже обжили соседнюю улицу, Народный бульвар, вдоль которого тянулись густые кусты тутовника с поспевшей к сентябрю тутовой ягодой, внешне похожей на ежевику, только совсем пресной, даже сладкой. Вот мы всё свободное время и паслись около этих кустов.

С октября стали учиться в близлежащих школах. Женя пошёл в первый класс начальной школы. А я в седьмой класс женской неполной средней школы, так как в Астрахани средние школы к нашему приезду были разделены на мужские и женские. Все выходные, пока была тёплая погода, проводили у тётёи

Гали. Я с удовольствием возилась с маленькой Томкой. Она уже узнавала меня и улыбалась, когда я к ней подходила.

Как-то поздней осенью я осталась наедине с Томочкой, пока родители были в театре на каких-то заезжих знаменитостях. Посадила её в подушки на диване и стала развлекать, чтобы не плакала. Танцевала перед ней и большим зеркалом в дверце шкафа, одевшись в тётю Галино платье и туфли на высоком каблуке. У ребёнка широко раскрылись глазёнки от этого представления. Когда ей надоел мой наряд, я переоделась в следующий с большой шалью на плечах, и опять принялась танцевать. Так мы развлекались довольно долго, не замечая ничего вокруг. Тут я как-то глянула в окно, а за ним чёрная ночь. У меня же ещё не закрыты ставни. Мне их наказывали закрыть. Но в такую темень страшно было выйти из дома.

Я накормила её кашей из термоса и стала укладывать спать. Но она не хотела лежать одна в кроватке и ревела. Кончилось всё тем, что, походив с ней по комнате взад и вперёд, я выключила везде свет, кроме ночника в спальне, и завалились мы с ней вместе в спальне в семейную кровать. Хозяева, возвращаясь по ночному холоду из театра, мечтали войти скорей в свой тёплый дом и напиться горячего чая. Но дверь в дом была заперта.

И сколько ни стучали, я им не отпирала. Догадались проверить окно в спальне, благо я не закрыла ставни. Когда увидели горевший там ночник, стали стучать в окно. Я не просыпалась, да и Томка тоже. Форточка оказалась незапертой. Дядя Лёша всунул голову в форточку и стал окликать меня, увидев нас на кровати. Когда я проснулась, у него уже был охрипший голос. Ничего не понимая со сна, я села в кровати.

— Анжела, ну и спать ты горазда, мы замёрзли, уже час, наверно, не можем попасть в свой дом. Надеялись, что от стука хотя бы Томка проснётся, она обычно чутко спит. Отпирай скорее дверь! Больше меня одну, на ночь глядя, с Тамарой не оставляли.

Было у меня время и поиграть с братьями. Мы лазили в саду по фруктовым деревьям. И прыгали с нижних веток, кто дальше запрыгнет. Потом перешли к более высоким рубежам. Решили

залезть на крышу сарая, чтобы оттуда прыгнуть. Но когда забрались на крышу и глянули оттуда на землю, а она так далеко, что сдрейфили. Решили спрыгнуть с балкона сарая, это пониже. Я спрыгнула нормально. Женька струсил и отошёл в сторону. А Вовка спрыгнул неудачно, приземлившись на руку и вывихнув её в плечевом суставе. Вызывали врача вправлять руку. Наверно, Вовке было очень больно, когда врач крутил ему руку, вправляя. У него лицо было зелёным-зелёным. Но он не издал ни звука.

Пришла зима. Она редко тут со снегом, чаще с сильными ветрами и пылевыми бурями. Мы засолили маленькую кадушку помидоров и поставили её между двойными дверями в прихожей. В наиболее холодное время иногда топили плитку в кухне. Набирали сушняка в тутовых кустах, да мама иногда с работы приезжала с вязанкой дров. А больше грелись керосинкой, когда варили еду.

Мама с работы частенько привозила рыбу. То судака, то большого сазана, то крупные свежие сельди привезёт. Когда жарились сельдочки, мы сливали с них лишний жир в банку. Потом на нём жарили, его добавляли в каши и картофельное пюре. Всякое другое масло было нам недоступно по цене. А к рыбьему жиру мы быстро привыкли.

Как-то уже весной мне мама наказала сходить на ближайший к нам рынок на Малых Исадах. Подхожу к рынку, а к пристани пристаёт огромная баржа. И в ней вагон, похожий на железнодорожный. Открыли двери вагона, а он битком набит людьми. Многие без рубашек. И худючие, одни кости да кожей обтянутые рёбра. Кто-то сказал, что это пленные немцы из Сталинграда. Как бабы с рынка их увидели, заохали, потащили им банками, кружками и бидонами молоко и творог, которыми торговали, приговаривая:

– Может наши-то, которые без вести пропали, как и эти в плену. И там их, как и мы, бабы покормят. Пленные улыбались женщинам, протягивая к ним дрожащие костлявые руки и говорили за угощение «Данке! Данке! Спасибо!» Немцев стали выводить из баржи и сажать в кузова подошедших машин. У некото-

рых не хватало сил подняться в кузов. Им помогали. Меня удивило, что ни у кого не было озлобленности к ним. Да у меня самой была только жалость. Эти немцы были надолго оторваны от источников питания, когда были в окружении под Сталинградом.

Однажды меня утром разбудили громкие гудки. Все астраханские заводы гудели. К ним вскоре присоединились и все пароходы, буксиры, паромы и катера, стоявшие на пристанях. В воздухе стоял сплошной гул. Мама вошла в комнату и сказала в волнении:

– Дети! Кончилась война! Мы с Женькой с криком Ура! Ура! Кинулись маме на шею. Выбежали на улицу. А день тот 9 мая был солнечным и тёплым.

Встречаясь, люди обнимались, целовались и плакали от радости. Даже незнакомые встречные люди улыбались друг другу как родные. Да мы все в тот день и сроднились. У нас была одна радость на всех. Одни думы. Победа! Война закончена! Наступил МИР!

ДОЛГИЙ ПУТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ ДОМОЙ

Заключение

В годы эвакуации из Москвы, в вынужденном изгнании, я никогда не прекращала думать о возвращении обратно домой. Особенно большая тоска по родному Измайлову была в голодные и холодные военные годы. Когда ложилась спать полуголодной, или вообще ничего не поев за целый день, то укрывшись с головой одеялом, так казалось теплее, начинала вспоминать нашу московскую комнату и довоенную сытную еду.

Передо мной то дымилась горячая чашка какао, бутерброд из белого хлеба со сливочным маслом и сыром, которые мама заставляла есть перед уходом в школу. А то стояла тарелка, полная наваристого борща со сметаной. Иногда вспоминались и сытные школьные завтраки. Наш класс был близок от буфета. И перед большой переменой в класс проникали ароматные запахи варящихся сосисок. А я любила сосиски и почти всегда брала их в буфете с картофельным пюре. Вот с такими воспоминаниями, угревшись в постели, я и засыпала.

После войны в Астрахани с питанием было проще, чем в Балакове. Однако в городе, расположенном в зоне полупустынь, с частыми пыльными бурями зимой, вместо привычных снегопадов, и дикой жарой летом, да без нашей северной растительности мне было плохо. Я тосковала по берёзкам и липам нашей аллеи в Измайлове, по раздвоенной сосне нашего двора, по лесопарку. И всё время просила маму вернуться домой в Москву. Тем более что мы остались в Астрахани одни.

В конце лета 1945 года из Астрахани уехала тётя Галя с семьёй. Дядю Лёшу перевели директором судоремонтного завода в Рыбинск. После их отъезда нас зимой хотели выселить из квартиры, так как она была номенклатурной для начальства волжского пароходства. Однако юрист с ремонтного завода сказал маме, что по закону в зимнее время, да ещё с детьми не имеют права выселять. Требуйте себе жильё взамен.

Маме предложили выбрать комнату из нескольких вариантов комнат взамен двухкомнатной квартиры. Мы выбрали не лучшую комнату по качеству из всех предложенных вариантов, но близкую от школы и центра города, на берегу канала им. 1 Мая, соединяющего Волгу с рекой Кутум. Летом можно было купаться близко от своего дома. Большим недостатком комнаты была её плохая освещённость, так как одно окно выходило на близкую стену соседнего высокого дома, а второе – на терраску и почти упиралось в лестницу ведущую на второй этаж. И днём приходилось за уроками сидеть с электрическим освещением. До нас это была общественная кухня, правда, без огромной плиты, как в Балакове. Но комната была большая, не менее 20 кв. метров, да ещё с небольшой площадью за неполной перегородкой, за которой мы устроили кухню. Мебели у нас хватало, так как мы перевезли сюда всю мебель тёти Гали из её квартиры. Но главное её преимущество, за что мы её выбрали, она была в доме с центральным отоплением. Не нужно было на зиму обзаводиться дровами, которые в зоне полупустынь были в дефиците. В общем, было терпимо.

Наконец, продав один шкаф из тёти Галиной квартиры и взяв отпуск, мама смогла на эти деньги съездить в мае 1946 года в Москву. Однако вернулась она оттуда опечаленной. Нашу комнату заняла подросток соседки. А в ЖЭКе сказали, так как за комнату мы не платили во время войны, то потеряли на неё право. Мама привезла багажом оставшиеся там наши вещи. Как сейчас я думаю, наша справка об эвакуации была тогда серьёзным документом. С ней маме надо было обратиться к властям нашего Сталинского района Москвы, что мама упустила сделать.

Екатерина Ермолаева,
Астрахань, 1946 г.

Больше того, мы были обладателями земельного участка под строительство жилого дома в Щербинке под Москвой. Этого добился перед войной папа. В связи с военным лихолетьем сроки застройки земельных участков после войны были продлены на 10 лет. Но мама, забитая жизнью в борьбе за кусок хлеба, чтобы прокормить двоих детей на свою нищенскую зарплату в 290 рублей, ничего не сумела сделать. Так и лежат до сих пор никому уже не нужные документы на участок и план дома со всеми необходимыми печатями.

Многие семьи остались после войны без отцов, не вернувшихся с войны. Были и семьи, оставшиеся без отцов из-за их ухода от семьи. Тем и другим помогало государство содержать детей. Наша семья была с другой историей. Когда я допытывалась у мамы, что с нашим репрессированным отцом, всё ли он в Таджикистане. Она всегда ускользала от этого разговора.

Но как-то сказала, что когда была в мае в Москве, то пыталась хоть что-то узнать об отце. Ей сказали, что его уже нет в живых. Больше никаких подробностей не добавили. А расспрашивать она постеснялась. Вообще мама была очень несмелым, застенчивым человеком. Не могла настаивать на своём, а как сложится.

После отъезда тёти Гали мама стала подумывать о смене места работы. Тяжело ей было в осенне-зимнее время ездить из города на судоремонтный завод. Летом ещё ходили водные трамвайчики, а зимой приходилось добираться до завода через посёлок Трусово, до которого ещё надо было переплывать через Волгу на пароме. Правда, в Трусово и из него рабочих отвозили на заводском автобусе. Но частенько маму задерживали на работе, и она опаздывала на этот автобус.

Приходилось идти в Трусово пешком, да ждать следующий паром, а ходили они редко. И тогда она добиралась домой только поздно вечером. А как-то в декабре она пришла домой вообще среди ночи, да ещё прихрамывая, с палочкой. Мы с Женей не знали, что и подумать, почему мамы нет так долго. Женька обычно быстро засыпал, а тут всё плакался: «Что с мамой?»

Оказалось, что ей пришлось идти пешком до Трусова. И когда она подошла к пристани, паром уже отходил. Она крикнула, чтобы подождали. Но паром уже убрал сходни, и ей пришлось переходить на борт парома без них. Торопясь, да сослепу, очки сильно запотели на холоду, она шагнула, да мимо, и в этот же момент паром подтолкнулся к пристани. Её нога оказалась сильно зажатой между бортом пристани и бортом парома. Хорошо ещё, что на маме были валенки. Это немного смягчило удар, а то мог бы быть перелом кости и коленного сустава. Так сказал врач.

Ей дали бюллетень и назначили процедуры, так как сильно пострадали мышцы и связки. Пока она была на бюллетене, то искала работу в городе, сказав, что больше ни дня не будет работать за Волгой. «Это ещё хорошо, – говорила мама, что паром прижался к пристани, а если бы наоборот отошёл от неё, то я полетела бы в ледяную воду. И не знаю, осталась ли бы тогда ещё жива».

С февраля 1947 года мама стала работать в облрыболовпотребсоюзе машинисткой правления. Хуже нам от этого не стало. Мама также частенько приносила свежую рыбу, иногда и икру. А весной мы получили на Ахтубе под Астраханью огород. Каждую пятницу туда плыли на оба выходных дня на катере от работы. Так как в дельте много комаров, то у каждой семьи с собой был марлевый полог, иначе комары заедят. И как только садилось солнце, вся палуба катера покрывалась марлевыми пологами.

Под ними мы скрывались от вездесущих комаров и спали ночью. А с рассветом покидали катер и занимались своими огородными делами. Наши земельные участки размещались в молодом фруктовом саду. Мимо каждого участка проходила канавка с проточной водой. Так что полив овощей был обеспечен. У нас там вырастали отличные арбузы, дыни, тыквы и огурцы с помидорами.

Я оканчивала девятый класс. Девочки в классе уже рассуждали, в какой из астраханских вузов лучше поступать учиться после школы. Однако меня всё влекла Москва и вообще средняя

полоса страны с привычной для меня растительностью. Я думала, если поступлю в местный вуз, то и на работу потом направят не дальше Астраханской области. Тогда как своих ушей не видеть мне Москвы и не жить в средней полосе.

*Астрахань, школа № 5, 9 класс, 1946 г.
Ангела внизу 2-я справа,*

А когда закончила 10 класс, то уже твёрдо решила не идти в астраханские вузы, а уехать в Москву. Но так получилось, что подружка по классу сманила меня в Ленинград, сказав, что в Москве мы всё равно будем. Ведь в Ленинград едем через Москву. Да ещё её старшая сестра уже училась в том институте, куда приглашала меня подружка.

Мама была против моего отъезда из Астрахани, сказав, что она не в состоянии мне материально помочь. Даже не сможет выделить мне денег на билет и на вре-

Ангела, 1947 г.

мя до моей первой стипендии. Но я так рвалась выбраться отсюда в среднюю полосу, с её любимыми мною лесами, о которых я бредила ночами, то сделала, казалось невозможное. Нашла деньги на свой отъезд.

В тот год у нас был хороший огород опять в молодом фруктовом саду с поливом, там же на Ахтубе. Летом получили хороший урожай овощей. Вспомнив свой балаковский рыночный опыт, я поторговала своими овощами. Но в Астрахани овощи дешёвые и много денег с них не наберёшь, если продаёшь не возами, а штуками. Пришлось продать пуховую подушку, тети Галин подарок, на которой я спала, и свое одеяло. Да мама немного всё же добавила монет. Вот и хватило денег на Ленинград.

Не могу передать того чувства, с каким я подходила к своим родным местам в Москве, которые не видела уже семь лет. Когда подошла к березке у водопроводной колонки на углу нашей аллеи, тут часто я ожидала маму с трамвайной остановки, ноги совсем подкосились. Обняв потолстевший без меня за семь лет ствол березы, не удержавшись, я разрыдалась. Мимо проходившая женщина с испугом спросила, о чём так убиваюсь. А узнав, что от радости встречи после многолетнего отсутствия, сказала: «Плачь, это лёгкие и благородные слёзы».

Однако не совсем права была та женщина. В моих слезах была не только радость встречи, но и печаль потери довоенного детства. Я могла сколько угодно ходить по тем аллеям, по которым бегала семь лет назад, и даже искупаться в Оленьем пруду, но того времени уже не вернёшь. Не вернёшь и той неоглядности, лёгкости и веры, что всё достижимо немедленно, только

*После окончания Ленинградского
сельскохозяйственного
института в 1953 г.*

Анжела, Зеленоград, 1961 г.

Однако, как бы сильно ни хотела я опять жить в Москве после нашей из неё эвакуации в 1941 году, мне это удалось осуществить только через 20 долгих лет, с окончанием аспирантуры, поступлением на работу в Московский институт птицепромышленности и получением комнаты под Зеленоградом в 1961 году. Эта комната была даже больше той, в

которой мы жили до войны. И я успокоилась на достигнутом. сильно захоти этого. Была в моих слезах и глубокая печаль о невозможности осуществить своё самое сильное тогда желание: опять поселиться здесь, в самом родном для меня месте Москвы, в Измайлове или где-нибудь тут поблизости. Но впереди у меня была учёба в институте. И только по его окончании я могла думать о выполнении своего желания быть в Москве.

*Женя в армии
после окончания техникума,
Львов, 1958 г.*

Мама с Женей с окончанием мною института в 1953 году переехали из Астрахани ко мне, где я работала, и были со мной до моего поступления в аспирантуру. Отслужив в армии, Женя поступил в Строительный институт и с его окончанием работает и живёт в Зеленограде.

Мама, поступив на работу в Загорске и получив в 1960 году там комнату, до конца жизни прожила в Загорске, ныне Сергиев Посад.

Моя сестра Лена, окончив авиационный техникум, была

направлена на работу в один из заводов Самары. Там вышла замуж и до сего времени живёт в Самаре с разросшейся семьёй: с детьми и внуками. Тётя Нина с детьми, вскоре после нас, уехала из Балакова в Ташкент к сестре Лизе, где в своё время, после окончания сельскохозяйственного техникума, осел и дядя Вита с семьёй. Маленькая Ритуша, окончив Ташкентский университет, выросла в Маргариту Павловну, учительницу географии. И в конце 60-х переехала с мужем и детьми под Москву в Пушкин. К большому сожалению её сейчас уже нет в живых.

Слева направо: Лена, Вова, Галя, Рыбинск, 1953 г.

Рита, 1963 г.

Старший брат Риты Коля после окончания института был направлен на Урал в город Асбест, там женился и прожил с семьёй до конца своей не очень долгой жизни. Младший Борис после служения во флоте вернулся в Ташкент, обзавёлся семьёй и так и остался в Средней Азии. В Балакове из маминых сестёр осталась одна тётя Оля. Летом к ней с детьми наезжала Лена в отпуск. Тётя Галя с семьёй после нескольких лет жизни в Рыбинске переехала в Мурманск, куда был направлен на работу дядя Лёша. Тамара, окончив Мурманское музыкальное училище, осталась преподавать в своём училище. Теперь она, как и её старший брат Владимир, на пенсии, но все верны Кольскому полуострову. Я не раз навещала братьев и сестёр в Самаре, Мур-

манске и Ташкенте, когда там ещё жив был единственный родной брат мамы дядя Витя.

Слева направо: дядя Витя, Анжела, тётя Вера, Ташкент, 1966 г.

Хочется немного рассказать о моём муже Мазаеве Алексее Дмитриевиче, участнике и инвалиде войны. призванном в де-

кабре 1941 года в армию будучи учеником девятого класса колыбельской средней школы Липецкой области. Сначала он был направлен в военное училище. А боевое крещение на фронте получил, будучи стрелком-радистом на самолёте-истребителе в войсках Ленинградского фронта, которые совместно с войсками Волховского и Прибалтийского фронтов противостояли вражеским войскам группы армий «Север».

Алексей Мазаев
в действующей армии. Весна 1945 г.

Тогда, после заключения договора о взаимопомощи с Анг-

лией и Америкой, наша страна получала по ленд-лизу от них вооружение и продукты, которые доставлялись морским путём через арктические воды караванами из 15–30 судов в сопровождении военных ледоколов с подводными лодками для охраны от вражеских миноносцев, рыскавших в арктических водах. Путь был опасный, но самый короткий и проверенный.

Так, в декабре 1941 года арктическим путём был доставлен секретно в Мурманск на британском крейсере министр иностранных дел Иден. И тем же морским путём он благополучно вернулся на Родину. Разгружались суда, прибывшие из Англии, а точнее из Шотландского порта в Мурманске. Каждый корабль вмещал до 10 железнодорожных эшелонов с оружием.

Из США помощь по ленд-лизу доставлялась кораблями Дальневосточного флота не менее опасным путём из Портленда. Там за нашими судами охотились и старались их торпедировать японские подводные лодки, шнырявшие по Японскому морю и Тихому океану в сопровождении самолётов-разведчиков.

Алексей справа на крыле самолёта.
П-ов Рыбачий

Охранять североморской путь до Мурманска военным кораблям помогали с воздуха наши истребители. Не раз в этом участвовал и истребитель, где стрелком-радистом был Алексей Мазаев. Однажды после выполнения очередного боевого задания по защите кораблей в Баренцевом море истребитель Алексея ушёл на запасной аэродром полуострова Рыбачий, чтобы привести в порядок самолёт после боя. Небо было чистым, экипаж истребителя и работники аэродрома стали заниматься проверкой состояния самолёта и необходимым ремонтом. Кто-то из работников аэродрома сфотографировал на память самолёт и экипаж за работой. Откуда ни возьмись, внезапно налетел вражеский самолёт, фашисты метнули снаряд или бомбу, точно не помню, как муж рассказывал. Алексею повезло, его снесло с крыла самолёта в сторону воздушной волной. Он был контужен, но остался жив. Остальные члены экипажа погибли. В госпитале, когда Алексей пришёл в себя и понял, что ничего не слышит, хотел покончить счёты с жизнью. Однако медицинскому персоналу своим вниманием удалось предотвратить его суицид. Они сделали всё возможное, чтобы восстановить его слух.

Однако с годами полученная контузия не раз давала о себе знать. Спустя пятнадцать лет лежал в больнице с возвратом контузии. Нелады были с позвоночником. Стал постепенно ухудшаться слух, так что он был вынужден носить слуховой аппарат. А тогда работники аэродрома, доставившие его в госпиталь, приходили навещать Алексея и подарили ему фотографию самолёта и экипажа, сделанную перед налётом фашистов, которую я привожу здесь в тексте. После госпиталя Алексей в январе 1944 года был зачислен в стрелковую дивизию, с ней с боями прошёл всю Европу, дошёл до Берлина и расписался на Рейхстаге. После демобилизации окончил 10-й класс и поступил в 1947 году в Ленинградский с/х институт на зоотехнический факультет. Я поступила в тот же институт, на тот же факультет годом позже. Но сначала жизнь нас вела по разным маршрутам. В Новоивановке в 1970 году Алексей, работая в министерстве с/х, получил квартиру, в которой мы прожили вместе тридцать семь лет до февраля 2007 года, когда его не стало.

Алексей и Анжелика Мазаевы, 1994 г.

*К нам в Новоивановку не раз приезжали мои и мамыны сёстры.
Слева направо: тётя Галя, Тома, Алексей, Рита, Анжела.
Новоивановское, 1983 г.*

С работой над этими рассказами я как бы снова пережила четыре года страшного военного лихолетья: бомбёжки Москвы, трудности эвакуации, голод, холод, расставание с дорогими мне родными местами. Сколько страданий приносят войны людям, особенно детям! Изменяют судьбы людей, лишая возможности реализовать себя в полную силу. И то, если вообще останешься в живых. А если нет? Сколько с войнами любая нация теряет лю-

дей и её потенциал?! Сколько раз приходится заново после каждой войны восстанавливать города, сёла, поля и леса?! Да и восстанавливать в численности свой народ?! Сколько же должно пройти времени, поколений, чтобы люди научились, наконец, беречь МИР на земле?! Что для этого необходимо делать?

Цени и по-настоящему люби ЖИЗНЬ! Кто сильно любит жизнь, будет всегда крепко стоять за МИР.

Цени и люби свою ОТЧИЗНУ. Не дай её опять порушить в войне.

Береги МИР!

ЗАПОМНИ, какой огромной ценой нашей стране досталась Победа над фашизмом, чтобы восстановить снова мир. Прошло семьдесят лет после войны. И опять голову поднимает фашизм. Больно слушать и смотреть кадры гибели людей и разрушений на Украине! Скажем все единогласно: НЕТ ФАШИЗМУ в нашей стране!

В сборнике рассказов использованы следующие документальные материалы

1. Анатолий Князьков, 1994 – «Советская стратегия 1942 года». Статья в книге: «Сталинград. Событие. Воздействие. Символ». – М.: Прогресс Академия.
2. Анатолий Харьков, 1994 – «Советское контрнаступление под Сталинградом». Статья в книге: «Сталинград. Событие. Воздействие. Символ». – М.: Прогресс Академия.
3. Виктор Ситников, 1995 – «Огненные рейсы». Статья в книге: «Живая Память 1942–1943» 2-й том. М.
4. Валерий Ганичев, 1995 – «Остановитесь у обелиска. Положите цветы!». Статья в книге: «Живая Память 1942–1943» 2-й том. М.
5. Олег Ржешевский, 1995 – «Коренной перелом». Статья в книге: «Живая Память 1942–1943 г.» М.: Совет ветеранов журналистики России. Союз журналистов РФ.
6. Валентин Пикуль, 2005 – «Реквием каравану PQ-17». М.: Вече-Аст.
7. «Поволжье. Путеводитель по Волге» под редакцией проф. В.П. Семёнова-Тян-Шанского. Ленинград, 1926 год.

[illegible]